Ч 30
744

93 Н 239/I
№ ....
С. Н. СОЛНЦЕВА
230/774

БЕНЕДИКТ КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

С предисловием проф. В. В. СВЯТЛОВСКОГО

Перевод С. Салитан

ЛЕНИНГРАД „КНИГА" МОСКВА
1924.

30
774

БЕНЕДИКТ КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

С предисловием проф. В. В. СВЯТЛОВСКОГО

Перевод С. Салитан

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
Ленинград, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.
Москва, Тверская, 38, телефон 264-61 и 377-23.
1924.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
651335

Ленинградский Гублит № 3357. Тираж 4000 экз.

Типография Химтехиздата, Ленинград, Разъезжая, 43.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Появляющаяся впервые на русском языке работа австрийского социал-демократа Бенедикта Каутского, автора вообще русскому читателю неизвестного,—отражает все достоинства и недостатки того течения в социализме, к которому автор принадлежит.

Как известно, исходя из одних и тех же теоретических предпосылок, европейская, германская, в частности австрийская, да, впрочем, и всякая социал-демократия и Российская Коммунистическая Партия со времени мировой империалистической войны настолько теоретически и практически разошлись друг с другом, что возник общий вопрос о том, что именно представляет собой социал-демократизм и что такое современный коммунизм, в чем их сходство и в чем—различие.

Поэтому раньше, чем оценить воззрения Бенедикта Каутского, необходимо установить сходство и разницу между двумя названными течениями социализма и определить характер каждого из них.

Давно уже установлено историей событий XX века, что наиболее ранняя и передовая германская социал-демократия зародилась в 70-х годах XIX столетия, затем выросла и сложилась в эпоху II Интернационала (1889 г.), т.-е. во время наростания и выявления тех экономических условий, на почве которых возник и расцвел мировой империализм, т.-е. то, что сложилось за время последней четверти XIX века вплоть до дней мировой войны (4 августа 1914 г.). Нигде так рельефно не проявилась великая связь между „базисом“ и „надстройкою“, как в том уклоне, который отныне получился в истории социализма XIX и XX в.в., в социал-демократизме. Здесь глубоко и характерно отразился новейший этап в развитии мировой буржуазии, той финансовой капиталистической буржуазии (финансового капитализма), скрытая дикта-

тура и упадочные воззрения которой проникли через весь буржуазный строй—от миллиардера рантье до полуголодного поденщика. Она—исходный пункт, родник всего характера социализма этого времени.

Социал-демократизм, выросший на тучной почве империализма, воспитался и сроднился с буржуазией, стремившейся к обогащению и захвату „лучших кусочков“ на мировом рынке. Буржуа-империалисты в свое розовое утро неслыханного обогащения как-то легче делились со „своими“ пролетариями. Все же трудящимся изредка перепадали мелкие крохи и они, ослепленные раскрывшимися перед национальною алчностью перспективами, легче поддавались убаюкиванию буржуазных сирен. Неустойчивым группам рабочего класса казалось приемлемым обольщаться империалистическими грёзами. И вот пролетариат в некоторых своих слоях тоже начинал проникаться империалистическими настроениями. Время шло. Империалистические вкусы конкурирующих наций столкнулись...

Крах II Интернационала, явившийся по сути кризисом всего социализма и, вместе с тем, германской и всякой иной социал-демократии, выявил всю экономическую сущность и ошибочность этого течения. Недаром со времени знаменитых Циммервальдских конференций [1]), те, кто стоял и руководил общей социалистической политикою так-называемых „вождей II Интернационала“ (Вандервельде, Карл Каутский, Плеханов и др.) совершенно справедливо упрекают в их тесной связи,—конечно не организационной и фактической, а в идеологической,—с мировой буржуазией. По разным причинам, общим и временным, частным или случайным, так или иначе, но в основе экономической сущности всего того социалистического уклона, который проявился в „пацифизме“, в „соглашательстве“, в „оппортунизме“ и в „реформизме“ и пр. лежало отхождение от того чисто классового мировоззрения, которым с дней Карла Маркса и со времени

[1]) Циммервальдская и Кинтальская конференции. Оффиц документы. Ленинград, „Книга“, 1924 г.

I Интернационала был проникнут мировой пролетариат. Исходя из строго классовой, а следовательно непримиримой идеологии, вся эпоха II Интернационала была той роковой ошибкой, которая не только привела к мировой бойне, но и прикрыла бессодержательными теоретическими фразами тогдашнее бессилие вождей пролетариата перейти от слов к делу.

Мировая заслуга Ленина заключалась именно в том, что Ленин, как истинный марксист, вернул рабочий класс назад к революционности и к строгой классовой непримиримости. Применение Ленинской точки зрения вместе с практической несостоятельностью II Интернационала и его вождей, привело к тому глубочайшему кризису социализма, осудившему всю тактику и политику II Интернационала. С ним, как с вождем мирового пролетариата, было кончено. Разочарование, недовольство и, в конце-концов, резкое осуждение II Интернационала повело с 1916 г. к борьбе за новый, по счету Третий Интернационал.

Основанный после Октябрьского переворота в России, III Интернационал не только отказался от идеологии II-го, но даже от самого его названия. Ему, в отличие от II-го социал-демократического, было присвоено наименование Коммунистического. Это было в 1919 году. Коминтерн пошел далее в своем развитии своим логическим путем. Строго следуя заветам Маркса, объединяя свои вначале малочисленные революционные группы, Коминтерн раньше, чем объединиться, стремился к размежеванию.

На втором конгрессе Коминтерна (1920 г.), стремясь к проведению единой централизованной революционной тактики, Коминтерн был вынужден выработать те знаменитые с 1920 года—„21 правило“,—которые придали Коминтерну свою собственную характерную физиономию и создали ему политическую ударность молота. Родилась ясная и определенная коммунистическая тактика и политика революционного коммунизма.

Таким образом с полной ясностью определилось, что в последовательном ходе исторического развития социал-демократизм и коммунизм шли друг за другом,

сменя один другого. Конечно, это еще не выясняло теоретической сущности обоих течений.

После сказанного попытаемся точнее определить разницу между социал-демократизмом,—в его наиболее распространенной форме—германском социал-демократизме, и его рабской русской копии—меньшевизме, и коммунизмом или, как он еще точнее определяется, современном ленинизмом.

Если вернуться к исходным моментам научного социализма, к дням революции 1848 г. и создания Коммунистического Манифеста, то, по терминологии тогдашнего времени, социализм означал буржуазное движение, а коммунизм—движение рабочих. Франц Меринг в введении к первому тому своей „Истории германской социал-демократии" всецело принимает указанное деление. Перефразируя ту же мысль, можно выразиться, как это и сделал один из наших талантливых писателей по истории социализма: „Для социализма были отперты двери салонов, перед коммунизмом они были крепко заперты" [1]).

Таким образом, социализм и коммунизм—понятия исторические, но, кроме того, они представляют собой две разных программы, две разных тактики, а так как социализм в его марксовом понимании представляет собой теорию практической активности, то и две разных политики. Следовательно, вопрос сводится не к „программам" и „теориям", в которых социалисты и коммунисты кладут в основу своей теории нечто весьма сходное друг с другом, во многом совершенно тождественное, а в стремлении к действию в той программе, в той практике и в той политике дел, которые их глубоко разъединяют.

Германский социал-демократизм, как и всякий социал-демократизм, в том числе и русский меньшевизм,—допускают, хотя быть может с различными оправданиями и оговорками, признание возможности, иногда допустимости, а в ином случае неизбежности сотрудничества пролетариата с буржуа-

[1]) Проф. А. И. Вышинский: „Очерки по истории коммунизма" (Краткий курс лекций), Москва („Красная Новь"), 1924 г. Стр. 25

зией. Отсюда, в конце-концов, ориентация социал-демократизма на буржуазию.

Коммунизм стоит на непреклонной суровой классовой позиции.

Коммунизм всегда революционен, всегда непримирим, непримиримым без оговорок и до „конца". Коммунизм не допускает никогда, ни в каком виде, ни при каких обстоятельствах соглашения или сотрудничества совместно с буржуазией. Отсюда его непримиримая революционность, энергичное разоблачение всех оттенков социализма и самая неустанная беспощадная борьба за диктатуру пролетариата. Таким образом, пред нами, при общей сходной, даже иногда вполне тождественной теоретической конструкции, и теоретических предпосылках, логически строго выведенных из теории Карла Маркса,—глубокое различие в практической программе, т.-е. в практике и поведении руководимого ими пролетариата.

Таковы существенные различия обоих названных течений современного социализма.

Усвоив разницу названных направлений—социал-демократизма и коммунизма, читатель, зная, что Бенедикт Каутский типичный германо-австрийский социал-демократ и до наших дней,—несмотря на потрясающий опыт мировой войны и на величие Октябрьской революции в России,—продолжает слепо следовать за выдохшеюся идеологией и за пресловутыми вождями исторического банкрота II Интернационала, повторяет все те же ошибки, которые до настоящего времени свойственны всем оппортунистам и соглашателям.

Этот писатель попрежнему верит в „демократические идеалы", в „парламентаризм", верит в возможность „реформировать капитализм" (стр. 70) и совершенно глух к пролетарским требованиям непримиримости классовой борьбы.

Как раз в главе VI „Значение теории прибавочной стоимости для классовой борьбы" Бенедикт Каутский приводит всю беззубую критику оппортунизма и модячие возражения против коммунизма и коммунистической политики.

Изложенное помещено им в предлагаемой ныне книге: „Экономические проблемы современности“ как добавление к его общим теоретическим рассуждениям. Эта двойственность заслуживает быть отмеченной, хотя по сути центром его книги является обширная теоретическая часть, а прикладная только вспомогательный гарнир, только подливка главного кушанья.

Бенедикт Каутский—марксист, и, притом, как некоторые глубоко и основательно изучившие сочинения Карла Маркса,—марксист хороший и солидный. Поэтому все общие теоретические суждения Бенедикта Каутского, особенно его суждения о стоимости, об органическом строении капитала, т.-е. о соотношении капитала постоянного и переменного, о норме прибыли и норме прибавочной стоимости и проч. изложены точно, правильно, вполне ортодоксально. В подходах ко всему теоретическому конструированию общих главнейших проблем ясно чувствуется твердая кристаллльно-ясная мысль писателя, проникшегося острою и отточенною методологиею Маркса, тем марксистским методом, в приобретении и проникновении которым и состоит вся ценность и вся высокая гордость современной науки.

Словом, повторяю, Бенедикт Каутский, солидный марксист-теоретик. Главное его кушанье основное, теоретическое изготовлено хорошо. Но тем обиднее, тем досаднее экскурсии этого автора в область прикладной экономики, в сферу современной экономической политики и его детские суждения из области живой житейской действительности. Тут перед нами не марксист, а жалкий обыватель, притом начиненный ходячими предрассудками социал-демократизма. „Подливка“ при кушании неудачная.

Бенедикт Каутский не донес до сферы практической жизни своих верных общих теоретических суждений, не доделал своей работы, столь ясно и строго логически вытекающей из применения орлиного марксового метода к жизненной практике, а как-то, только коснувшись условий современной действительности сразу превратился в типичного катедер-социалиста полуреволюционера, обнаружив всю свою недозрелую

и не полную сознательность, даже больше—всю свою мещански-филистерскую сущность.

Исторической роли революционного пролетариата, его значения и колоссальной движущей силы Бенедикт Каутский совсем не понимает. Он не приложил к живой действительности и не использовал для окружающей современной ему жизни свой богатый сильный теоретический багаж.

Конечно, самого основного пункта творческой идеи коммунизма: разрушения старого буржуазного капиталистического строя и революционную замену его коммунизмом—он не понимает. Он не видит, что в результате мировой империалистической войны и связанных с нею революционных волн, старая хозяйственная жизнь не только выбита из так-называемой нормальной колеи, но уже всецело утратила всякий смысл для своего существования. Колоссальная послевоенная разруха,—весь этот безисходный мировой кризис,—привел все мировое хозяйство в безысходный тупик. Мы ясно понимаем,—этои есть основной догмат марксизма, — что старое европейское капиталистическое хозяйство жило стихийно, без плана, анархистски и отжило; социальная революция и диктатура пролетариата должны в корне перестроить старое народное хозяйство и на уже новых коммунистических началах „разрушая, создавать". Поэтому наступают дни, месяцы, годы действительно „последнего решительного боя". В нем, грудь с грудью должны в смертельной ненависти столкнуться два мира, старый и новый.

Но социал-демократы, а в их рядах и Бенедикт Каутский, не видят тех грозных, величественных исторических сдвигов, тех грандиозных социальных катастроф, в периоде которых мы находимся. Они попрежнему близорукие и неокрыленные ни социальной прозорливостью, ни революционным пафосом, рассматривают мелкие текущие моменты с точки зрения своей маленькой колокольни, с точки зрения скромных и крохотных „мелочей жизни". Рассматривают и тоскуют о старом.

В величайшие дни грандиознейших исторических катастроф, в дни, напоминающие колоссальные картины

падения античного мира и смены его христианством, картины, повторяющие великое переселение народов или эпоху открытия нового света, они своими кротовыми глазами усматривают только причину грандиозных исторических обвалов в „лодырничаньи“ иных рабочих, стремящихся к тому же работать не более 8-ми часов в день. Конечно, буржуазия, а с нею ее приспешники, видят весь корень зла и всю основу грозящей катастрофы прежде всего в этом ненавистном ей годами—„восьмичасовом рабочем дне“. Они искренно думают, что стоит только рабочим „немножко больше начать работать“, еще немного приналечь, „еще капельку надбавить к обычной прибавочной стоимости,—как весь грозный мировой вопрос начнет благоприятно разрешаться“. Тут, полагает Бенедикт Каутский, стоит только подняться на несколько более „абстрактную“ и „объективную“ точку зрения, как весь вопрос немедленно разрешается.

И вот мнимый идеолог пролетариата рекомендует, а ничего другого он рекомендовать не может, как встать на среднюю, примиренческую позицию. Он говорит: „необходимо увеличение продукта труда“,—а не подлежит сомнению, что прекращение производства во время и после мировой войны безусловно вызывает необходимость повышения производства,—то в интересах (так-ли?) рабочего класса добиться этого увеличения путем повышения интенсивности труда, а не путем удлинения рабочего времени (стр. 58).

Приведенное суждение Бенедикта Каутского с его „средним“ решением вопроса, жгучего вопроса острых классовых противоречий, только частичный осколок той общей социал-демократической ориентации на буржуазии, которым он, как идеолог II Интернационала, весь проникнут. Он, конечно твердо помнит те великолепные, торжественные фразы о „демократии“, об ее „идеалах“, о защите отечества, о вооружении ради победы до конца, которые так наивно, так близоруко и так фальшиво прикрывали весь ужас недавней мировой бойни. Не столько густые клубы пушечного дыма, взрывы мин и бомбометов застилали и покрывали бесконечные поля мировых сражений, не столько

подымался стон раненых и умирающих и пар от горячей, лившейся потоками человеческой крови, сколько умы и сознания бесчисленных участников бойни обволакивались и застилались громкими, лишенными содержания фразами, которыми насытили страдающий мир идеологи Второго Интернационала. Одна из фраз этого бессодержательного „фонтана фраз" сохранилась и у нашего автора. Мировой империалистической бойни он так и не увидал. Холодящего ужаса ее картин не осознал. Но туман фразы, этой по своему драгоценной и незабываемой фразы,—у него всецело сохранился.

Вслушайтесь сами, вот как рассуждает об этой войне, об этой чудовищнейшей из боен Бенедикт Каутский. „В империалистической войне, — говорит он,—речь шла отнюдь не об империалистических только спорах, как утверждают люди, которые представляют и толкуют политические и экономические явления чисто схематически. Проблемы демократии, национальный вопрос, милитаризм и абсолютизм,—вот те вопросы, которые... играют здесь роль" (стр. 68).

Само собой понятно, что если слепорожденного идеолога Второго Интернационала не выучили потрясающие факты мировой истории, если за бурею жизни он ничего не услышал, кроме ему столь милых соглашательских сентенций, то мы и его самого и тех, кто его безкритично прочтет—никогда не переубедим.

Бенедикт Каутский безнадежен понять положение своего отечества и после военных осложнений. Надвигающаяся грозная социальная революция и безысходность того тупика, в котором находится германская современность, ему не понятны. Он еще полон иллюзии „одолеть мировой кризис" и „снова привести в движение промышленность",—как будто бы ничего не случилось.

Вслушаемся еще в две его поучительные сентенции: „Даже при сохранении бремени германских репараций теоретически существует возможность одолеть мировой кризис и снова привести в движение промышленность стран-победительниц. Во всяком случае при

этом обнаружатся тяжелые затруднения и препятствия, но останется, главным образом, действие сокращений заработной платы, на что вынужден согласиться рабочий класс Антанты. Ибо германская промышленность будет всегда производить дешевле других, пока она находится под гнетом репараций, и, поэтому, будет проявлять тенденцию понижения цен" (стр. 116).

„В разумном разрешении вопроса о репарациях заинтересованы прежде всего... рабочие всех стран" (стр. 116).

Приведенные нами перлы близорукой экономической политики австрийского социал-демократа, в переведенной ныне книге „Экономические проблемы современности", как ясно видит читатель, представляют собой ту двуликость социал-демократизма, ту своеобразную половинчатость, которою характеризуется все это течение. Теоретически сильные предпосылки (они ведь от Маркса), и близорукая оторванная политика и „соглашательская" тактика. Сам автор, того не замечая, дает нам характерный образчик того, как, выйдя на правильный путь и твердо помня заветы Маркса, он, войдя в лес из трех сосен, растерял свои старые предпосылки и вскоре на подобие трех знаменитых русских пошехонцев—в нем заблудился.

Но Бенедикт Каутский не старо-режимный рассейский обыватель провинциального и пресловутого Пошехонья. Он знатный австриец, представитель архи ученой европейской социал-демократии, человек с громким, теперь уже историческим, немецким именем, и такая неслыханная социальная близорукость. Конечно, он, как и знаменитый его однофамилец несравненный Карл Каутский, также как и все его единомышленники, давно уже продал истинные заветы пролетариата и тот революционный марксизм, который всегда вдохновлял пролетариев всего мира в деле их непримиримой борьбы с буржуазией за буржуазные подачки...

„Ренегат Каутский", Каутский Карл породил другого „Ретрограда Каутского", Каутского Бенедикта.

Замена, как видите, не из великих...

Проф. В. Святловский.

Ленинград, 10 июня 1924 г.

I. Значение теории.

В широких кругах рабочего класса часто встречается такое мнение, что теоретические рассуждения являются лишь излишней тратой времени. Важно, мол, лишь практическое разрешение проблем, и это возможно также с помощью простого опыта, без теоретических соображений. Если в политической борьбе и обсуждаются иногда вопросы принципиального характера, то большинство отказывается это делать, когда речь идет о профессиональных и экономических вопросах.

Постоянно снова выступает в современном рабочем движении также известная, во всяком случае не обоснованная реально противоположность между политической и экономической деятельностью, и она часто принимает форму борьбы оторванных от жизни теоретиков с опытными людьми практики.

Уж не требуется теперь подробных объяснений в доказательство того, как ошибочно такое отношение к теоретическим проблемам. Мы не хотим здесь говорить о том, что люди практики лишь впадают в логическую ошибку, утверждая, что они обходятся без теории. Ибо и они приводят свой опыт в известную систему; они обобщают отдельные явления, чтобы иметь возможность делать из них дальнейшие выводы; они ведут борьбу на основании известных принципов—короче, они собственно лишь сами создают себе теорию. Но эта теория большей частью неудовлетворительна, так как она связана только с внешними явлениями

практики. Она занимается лишь действиями, не спускаясь к последним причинам. Мы можем сравнить их с теориями прежней медицины, видевшими в лихорадке настоящую болезнь, с которой должно бороться, меж тем как современная медицина считает лихорадку действием глубже лежащих причин, и ее метод лечения направлен в первую очередь на эти причины и лишь потом на лихорадку.

В большинстве случаев эти люди, которые так насмешливо говорят о теории и теоретиках, не имеют правильного представления о том, что вообще представляет собой теория, и что она может сделать. Теории не являются искусственными логическими построениями; они представляют не что иное, как систему выводов из явлений действительности, которые стараются найти причины этих явлений. Теория служит поэтому лишь для того, чтобы объяснять действительность. Для этой цели она ищет общие признаки в разнообразии явлений, чтобы таким образом получить по возможности однообразный абстрактный образ. Совершенно ясно, что при этом необходимо отвлечься от несущественных явлений и ограничиться лишь существенным. По тому, как теория делает выбор между существенным и несущественным, и по тому, как с помощью этой теории мы можем объяснять явления окружающего мира, можно судить о правильности и ценности теории.

Теория призвана также играть большую роль в политике. Если мы хотим с помощью политики оказывать влияние на отношения, среди которых мы живем, то мы должны сначала постараться возможно лучше изучить эти отношения. Лишь тогда мы будем в состоянии понять причины современных явлений и оценить влияние наших действий на эти отношения. Если мы хотим взять пример из современной жизни, то можем это иллюстрировать приблизительно следующим образом: профсоюзный работник, который видит перед собой лишь свой уголок работы, будет, например, иначе обсуждать таможенный тариф, чем теоретически образованный экономист. Узкий профсоюзный работ-

ник будет озабочен лишь тем, чтобы его производство охранялось пошлинами от заграничной конкуренции, и не станет задаваться вопросом, не может ли эта мера послужить во вред другим слоям рабочих. Экономист, наоборот, в своих рассуждениях выдвинет на первый план общий интерес; он поэтому обсудит, какое действие на все народное хозяйство может иметь каждая отдельная мера. Во многих случаях он поэтому будет стоять в прямом противоречии к представителям отдельных интересов; несмотря на это, нужно будет признать, что только он, отнюдь не те, является настоящим представителем рабочих интересов.

Мы могли бы привести еще много других примеров, доказывающих, что не праздную игру и не литературный только спор представляют постоянные дискуссии по тому или другому вопросу. Рабочий класс не должен отказываться от участия в таких спорах, он должен стараться учиться на них, учиться не в целях научного образования, а потому, что теоретические знания являются лучшим оружием в практической злободневной борьбе.

Но значение теории лучше всего выясняется на практическом примере. Всякий, занимающийся политическими и экономическими вопросами, знает, что политика социал-демократии и свободных профессиональных союзов находится под сильнейшим влиянием марксистких теорий. Менее известны во всяком случае эти самые теории. Причина этого заключается в том, что изучить их не так просто. Несмотря на все попытки дать популярное изложение взглядов Маркса, результаты этой работы сравнительно незначительны. Это объясняется тем, что Маркс дошел до последних причин экономических явлений и потому много оперирует с абстрактными понятиями, которые очень отличаются от живой действительности. К этому присоединяется еще обширность той области, которую он исследовал, и которой естественно очень трудно овладеть рабочему, имеющему в своем распоряжении лишь несколько часов в день для умственного труда.

Поэтому вполне понятно, что теории, которые, по-видимому, могут быть поняты гораздо проще, так как они связаны с явлениями повседневной жизни, находят распространение среди рабочего класса. И здесь сошлемся на пример естественных наук в доказательство того, как поверхностно мнение, что теория должна будто бы давать картину, которая имеет безусловное сходство с внешними явлениями. Если мы возьмем естественно-научные теории об атомах, или молекулах, или эфире, то увидим, что речь здесь идет только о неосязаемых вещах. Мы имеем, следовательно, в этих теориях не копию осязательной действительности, а лишь попытки объяснить ее явления и определить причины и законы их изменения и развития.

Никто не станет отрицать того, что несмотря на это столь сложное абстрактное мышление, и несмотря на эту кажущуюся оторванность от действительности, естественные науки оказали сильное практическое влияние на развитие человеческого рода и на ход его истории. Без „серой" теории современная медицина никогда не могла бы изобресть новых целебных средств и продлить жизнь людей; без нее не возникли бы современные машины и аппараты; без них человек не научился бы летать в воздухе и ездить под водой.

И в то время как в естествознании эти практические результаты сами собой подразумеваются, многие полагают, что в экономических вопросах теорию можно считать совершенно бесцельной для практики. Но и здесь нужно самым энергичным образом выступить против претензий чистых практиков; и здесь, мы полагаем, можно сказать без ложного высокомерия, что практическими успехами мы обязаны преимущественно теоретику. И там, где теоретик ошибался, там в этом виновно было не теоретическое мышление само по себе, а сам теоретик, который или исходил из ошибочных предпосылок, или делал ошибочные выводы из данных фактов. Когда, следовательно, мы встречаем такие теории, мы не должны презрительно отвергать их и просто забросить, а должны попытаться выяснить содержащиеся там ошибки.

II. Теория стоимости.

Для рабочего класса изучение теории политической экономии связано с особыми трудностями, так как экономические и политические интересы создают глубокую пропасть между буржуазными и социалистическими взглядами. При этом нельзя отрицать того, что буржуазное мышление оказывает очень сильное влияние в этой области на пролетарское мышление. „Реформаторы" марксисткой теории особенно любят ссылаться на тот факт, что Маркс не знал современного развития капитализма, и что мы являемся детьми другого времени. Поэтому вопросы современности, влияние на хозяйство профессиональных союзов, тарифных договоров, монополии должны-де рассматриваться в совершенно другом свете, чем их рассматривал и мог рассматривать Маркс. Мы еще увидим, какую цену имеют эти „новые знания", которые были, мол, недоступны Марксу.

Всякая серьезная работа экономиста должна исходить из теории стоимости. Мы должны поэтому прежде всего заняться вопросом, что такое вообще стоимость товара. В большинстве случаев мы наталкиваемся на ту ошибку, что стоимость означает то же, что цена. Но этого взгляда Маркс никогда не разделял; он, наоборот, в своих произведениях неоднократно отрицал это; и поэтому мы тоже не должны его придерживаться.

Если мы хотим прежде всего формулировать вопрос, о котором идет речь, то можем это сделать таким

образом: мы видим перед собой тот факт, что в современном хозяйстве люди уж не создают того, что им нужно; что вследствие широко распространенного разделения труда каждый человек может удовлетворять лишь часть своих потребностей продуктами, которые он сам создал; и что поэтому он расчитывает на труд других людей так же, как другие зависят от его труда. Следовательно для своего существования каждый должен стараться получить продукты труда других людей; это совершается путем товарообмена. Но чем более развито разделение труда, тем труднее путем простого обмена получить необходимые предметы.

Карл Каутский таким образом изображает в своих с.-д. „заметках о переходном хозяйстве" результаты разделения труда:

„Предположим, столяр пришел на рынок со своим столом. Ему нужно полотно. Ткач с полотном также находится там, но у него уже имеется стол. Он нуждается в муке, чтобы подать на стол хороший обед своим голодным детям. Вот появляется и мельник с мешком муки, но он непрочь выпить. Он отказывается от предложенного ему полотна и ищет вина. Его манят две бочки вина. Но продавец вина твердо решил приобресть стол, а не муку. Однако, стол можно получить лишь в обмен на полотно.

Таким образом обмен нигде не может состояться; все товаровладельцы должны вернуться домой со своими продуктами, ничего не сделав. Очень редко случается, что встречаются такие две стороны, из которых каждый хочет получить продукт другого.

На самом деле начало менового хозяйства возможно лишь таким образом, что в каждом хозяйстве в сущности производится все, что там требуется, и обменивается лишь излишек; так что существование его не зависит от обмена.

В этом переходном состоянии от совершенно натурального хозяйства к исключительно товарному производству находится большая часть человечества уже в начале исторической эпохи, и даже у культур-

ных народов это сохранилось во многом по настоящее время. В уездных городах и теперь еще ремесленник занимается сельским хозяйством, и крестьянин в отсталых местностях сам производит большую часть необходимых ему продуктов индустрии.

Вначале обмен представляет случайное явление. Когда он стал повторяться правильно и начал приобретать все большие и большие размеры, то скоро дело дошло до того, что определенные товары требовались больше, охотнее брались в обмен, чем другие.

Когда один товар занял такое положение, то понятно, что товаровладельцы, которые не могли обменять на рынке свой товар на такой, в котором они нуждались, предпочли обменять свои собственные товары, которые труднее было сбыть, на такие, которые обменивались легче, чем уйти с рынка без всякого обмена. За товар, который легче обменивался, они могли надеяться скорее получить товар, который им нужен был, чем за свой собственный продукт".

Этим орудием обмена служат деньги. С их появлением, которое ведет нас в отдаленную до-христианскую эпоху, происходит, следовательно, не непосредственный обмен товаров, а купля и продажа.

Если мы остановимся на современном обществе, в котором жизнь большинства людей зависит от состояния мирового рынка, то мы видим прежде всего беспорядочную массу отдельных явлений; мы наблюдаем беспрестанное колебание цен изо дня в день, от одного места до другого; мы видим величайшие различия между изобилием и богатством на одной стороне, нуждой и нищетой на другой стороне. Внести порядок в этот кажущийся хаос, вот задача всякой теории политической экономии, которая хочет заслужить этого названия и исполнить свою задачу.

Для разрешения этой задачи мы должны сначала внимательнее остановиться на предмете нашего исследования, на рынке. Мы тогда сейчас же заметим, что состояние рынка и высота цен зависит от спроса и предложения. Товары, которые имеются в избытке, и на которые существует лишь небольшой

спрос, будут падать в цене; в противном случае цена будет повышаться.

Но если мы в течение некоторого времени наблюдаем эту игру (спроса и предложения), то увидим, что цены большей частью колеблются около линии, подобно волнам на море, образующим гребни и долины, средняя высота которых должна, однако, совпадать с уровнем спокойно стоящей воды.

Тут возникает вопрос: от каких сил зависит высота этой средней цены? На этот вопрос мы получаем от так-называемой—„теории предельной полезности"—буржуазной теории, которая хочет объяснять высоту цен субъективными мотивами участвующих в торговой сделке—ответ, что каждая из двух сторон, вступающих в торговую сделку, оценивает ниже то, что она отдает, чем то, что она получает.

Если мы, следовательно, обратимся к примеру, то согласно этому воззрению мы должны были бы сказать, что тот, кто хочет купить себе кило мяса, оценивает обладание двумя золотыми кронами, которые он, скажем, дает за это, ниже, чем обладание мясом; наоборот, собственник мяса оценивает эти две золотые кроны выше, нежели мясо.

Но это объяснение не подвигает нас вперед ни на шаг. Вопрос наш заключается не в том, почему происходит та или другая продажа. Само собой разумеется,—и Маркс сам также признает это, но именно потому, что это само собой разумеется, он не говорит об этом подробнее—что в торговле каждый отдает то, в чем он меньше или совсем не нуждается, чтобы получить то, что ему крайне необходимо, или же что ему более желательно иметь.

Объяснить нужно не тот факт, почему происходит обмен, а почему отдается именно это определенное количество одного товара за определенное количество другого товара или денег. И речь идет не об отдельном обмене, не о нескольких немногочисленных актах обмена, которые совершаются где-нибудь или когда-нибудь, как полагают представители этой теории; речь идет о том факте, что при данных отношениях на дан-

ном рынке каждый товар определенного вида имеет такую же цену, как и другой товар того же вида, совершенно независимо от личных отношений или чувств отдельных покупателей или продавцов.

Тот факт, что я голоден, объясняет, почему я покупаю себе булку. Здесь нет никакой проблемы. Но он не объясняет, почему эта булка стоит четыре золотых геллера, и почему эта цена одна для голодного и сытого, для того, кто умирает с голоду, и для того, кто покупает булку не для того, чтобы самому ее съесть, а чтобы кормить ею золотых рыбок.

Мы должны, следовательно, осмотреться дальше. Тут мы находим у других буржуазных экономистов, которые являются представителями так-называемой теории издержек, тот взгляд, что *издержки производства определяют цену*.

Этим самым все объяснение переводится на совершенно другие рельсы. Посмотрим же, помогает ли нам это второе объяснение притти к окончательному результату! На первый взгляд оно кажется правильным, так как каждый фабрикант подтвердит, что цена его продукта определяется его издержками, к которым он присоединяет прибыль. Если мы пока оставим в стороне вопрос о прибыли, которым мы еще займемся потом, то увидим, что у фабриканта имеются издержки на заработную плату, сырой материал, уголь, смазочное масло, на изнашиванье машины, инструментов и т. д. Эти издержки он ставит в счет. Этим, как кажется, разрешена вся проблема. Мы здесь имеем дело лишь с величинами, которые тотчас могут быть вычислены, которые остается лишь сложить, чтобы притти к удовлетворительному результату.

Но здесь, как это часто бывает, видимость обманчива; чтобы доказать это, обратимся к примеру, который часто охотно приводится также в буржуазной науке. Это пример потребительского общества, которое имеет пекарню и скотобойню. Издержки свои оно покрывает из цен, которые оно ставит рабочим, являющимся его членами. Эти последние платят из своей заработной платы. Возникает тогда вопрос, что опре-

деляет высоту заработной платы. Подумав немного, каждый рабочий ответит, что высота заработной платы определяется преимущественно высотой цен, которые должен платить рабочий за необходимые ему предметы. Мы это яснее всего понимаем теперь, когда постоянное возрастание цен приводит к столь же постоянному повышению заработной платы. (Мы здесь не касаемся вопроса, достаточно ли существующего в настоящее время повышения заработной платы для того, чтобы оно соответствовало возрастанию цен; здесь речь идет лишь о том, что почти во всех случаях заработные платы и цены движутся в одном направлении).

Если мы теперь вернемся к ценам, которых должно требовать потребительское общество, то находим, что высота их определяется, между прочим, также и заработной платой, которую потребительское общество должно платить своим собственным рабочим. Мы, следовательно, опять стоим перед загадкой, так как теперь мы пришли к тому результату, что цена определяет заработную плату, и, наоборот, заработная плата определяет цену. И если мы пойдем дальше, то находим все то же. Если примем во внимание не только плату пекарям, которую должно выдать потребительское общество, но и цену муки, и спросим себя, чем определяется последняя, то мы снова находим тот факт, что одна цена—здесь цена муки—зависит от других цен, именно от цен муки, угля, смазочного масла, машин и т. д., а также от платы мельнику. Как бы далеко мы ни зашли, и если мы разложим каждую отдельную цену на ее составные части, мы никогда не придем к концу; всегда остается один и тот же факт, что одна цена определяется другой ценой и заработной платой; и так как в конце-концов заработная плата также определяется ценами, то цена *определяет цену*.

Этот окончательный вывод есть не что иное, как потрясающая мир истина, что один равен одному.

Мы видим, следовательно, что и этим путем нельзя притти в конце-концов к удовлетворительному объяс-

нению. Проблема вообще кажется тогда не разрешимой. Но вопрос получает, однако, другой характер, если наблюдать рынок не в данный момент, а в течение более продолжительного периода времени. Тогда мы увидим, что на-ряду с временными колебаниями, вызванными спросом и предложением, имеются еще большие изменения, хотя и более медленные, но более постоянные, действующие более продолжительное время. Мы можем сравнить их, возвращаясь к вышеприведенному примеру, с различиями в высоте воды в реке, когда вследствие ветра или мелей получаются меньшие волны на ее поверхности.

Эти именно продолжительные изменения должны нам дать ключ для разрешения проблемы. Когда мы, обращаясь к примеру, рассмотрим развитие цен на текстильные товары от средины XVIII до средины XIX столетия, то увидим, что, не говоря о ряде более коротких или местных отклонений, здесь господствует тенденция к падению. Этого падения цены невозможно просто объяснить с помощью указанных нами теорий. Ибо если говорят, что за это время сильно возросло предложение, то этому на другой стороне противостоит по крайней мере столь же возросший спрос. И с объяснением буржузной науки, что каждый отдает в обмен лишь те вещи, которые для него менее ценны, чем те, которые он получает, совсем ничего нельзя сделать. Ибо несомненно в XIX столетии людям гораздо больше нравились бумажные чулки, чем в XVIII, и несмотря на это история хозяйства так нелюбезна, что не признает правильности буржуазной теории. Немецкий философ Гегель, правда, сказал однажды, когда обратили его внимание на то, что кое-что в мировой истории не согласуется с его философией истории: „Тем хуже тогда для мировой истории“! но едва ли современная наука рискнет употребить такого рода метафизическое выражение.

Для всего этого развития цен имеется лишь одно объяснение. Падение цен в XVIII и XIX столетии идет параллельно развитию машин. Эта последняя вытесняет ручного ткача более дешевым ма-

шинным производством. Но почему машинное производство может быть дешевле ручного труда? Исключительно по той причине, что машина с помощью меньшего количества человеческой рабочей силы создает то же, что ручной труд, с затратой большего количества труда. Работа, для которой требовалось десять ручных ткачей, выполнялась быть может пятью, потом тремя, двумя или одним ткачем с помощью машины, производство которой стоило значительно меньше труда, чем она сберегла за все время ее употребления. И соответственно тому, как сокращалось количество примененной человеческой рабочей силы, уменьшалась также цена товара.

Таков и только таков смысл теории стоимости Маркса. То, что мы вывели из истории с помощью практических примеров, это показывает нам Маркс в своих чисто теоретических рассуждениях в „Капитале".

Маркс, правда, другим путем приходит к тому же результату. Он исходит из того, что в товарном хозяйстве обмениваются одинаковые величины. Так как такое приравнивание между продуктами, совершенно различными по виду и служащими самым различным целям, возможно лишь тогда, если у них есть что-либо общее, то он ставит вопрос: что может представлять собой это общее? Все товары имеют два общих свойства: одно – это полезность (называемая Марксом потребительной стоимостью), другое – тот факт, что все они являются продуктом человеческого труда. Он ставит себе вопрос: какое из этих двух свойств может дать лучшее объяснение обмена. Обмен имеет дело лишь с количественно измеряемыми величинами; то-есть речь идет о том, сколько килограммов железа может быть обменено на определенное количество полотна, бумаги или золота. Для объяснения этих чисто количественных различий должен, следовательно, служить факт, который также обнаруживает количественные, а не качественные различия. Однако, полезность товара вообще не поддается количественному измерению; потребительная стоимость полотна не может быть выражена в каком-нибудь количестве золота; но ко-

личество труда, которым созданы товары, может быть измерено; то-есть можно определить, требуется ли для получения известного количества полотна больше или меньше труда, чем для производства определенного количества железа. При объяснении отношения обмена двух товаров, согласно этому заключению Маркса, речь может итти лишь о количествах труда, который требуется для создания этих товаров. Продукты, содержащие одинаковые количества труда, имеют одинаковую стоимость. При этом стоимость определяется лишь тем трудом, который необходим при данных исторических и технических условиях производства. Если, следовательно, существует конкуренция между ручным и машинным трудом, то масштабом стоимости служит машинный труд, где затрата труда меньше; точно также определяющее значение здесь имеет не труд ленивого или неискусного рабочего, а труд того рабочего, который обладает обычным для данной отрасли производства искусством и обычным прилежанием. Предполагается далее, что каждый произведенный товар удовлетворяет какой-либо общественной потребности; бесполезные вещи или вещи, которые произведены в количестве, превышающем потребность общества в них, не имеют ни стоимости, ни потребительной стоимости.

Маркс называет определяемый таким образом труд, создающий стоимость, общественно необходимым трудом, и стоимость, которая выражается в обмене, меновой стоимостью — в противоположность потребительной стоимости.

Мы видим, что оба пути привели к тому же результату. Абстрактные построения Маркса доказаны таким образом историческим развитием. Впрочем, Маркс несомненно знал историческое доказательство, хотя он и не положил его в основу своего изложения. Кто знает экономическую теорию его времени, тот легко поймет причину его способа изложения. Историческое доказательство, которое мы здесь развили, тогда не являлось вопросом. Что подлежало объяснению, это лишь чисто теоретическая связь. Если поэтому Маркса

упрекают в том, что он не уделил достаточно внимания историческому развитию, то это лишь доказывает, что буржуазная экономия в настоящее время забыла многое из того, что ее предшественники уже знали 100 лет тому назад. Мы еще увидим, что это не является случайностью.

После того как Маркс доказал, что количественные отношения в обмене товаров определяются трудом, затраченным на производство этих товаров, он переходит к теоретическому исследованию отношений обмена. При этом он сознательно оставляет в стороне некоторые явления экономической жизни. Он это делает не для того, чтобы создать в реторте копию действительности, подобную Homunkulus'у в Гётевском Фаусте, а для изучения законов развития, имея при этом в виду указанные нами выше соображения.

И если мы проследим за ходом мыслей Маркса, то должны признать, что с помощью этого метода ему удалось сделать целый ряд важнейших открытий в области политической экономии. Прежде всего он впервые дал полное и согласующееся с остальной экономической теорией объяснение денег и их замечательных явлений. Он говорит, что деньги в сущности ничем не отличаются от других товаров. При анализе денег мы должны отвлечься от явления обесценения денег, что в настоящее время играет такую большую роль. Для нас здесь деньги тождественны с золотом.

Здесь нам Маркс говорит, что для получения золота так же требуется труд, как для производства других товаров. И как отношения обмена всех товаров между собой, так и отношение между золотом и товарами зависит от количества заключенного в них труда. Итак, он предполагает, что золото обменивается на товары соответственно заключенному в них количеству труда, как это имеет место в обмене товаров между собой. Маркс, следовательно, утверждает (мы здесь всегда должны помнить, что он имеет в виду не действительные отношения), что, например в десяти метрах полотна содержится то же количество труда — скажем десять

часов среднего труда—как в 5 килограммах железа или в 20 килограммах бумаги или в 1 грамме золота. Все эти товары могли бы таким образом обмениваться друг на друга; и если бы мы имели в виду теперь не чистое меновое хозяйство, а современное денежное хозяйство, то мы могли бы сказать, что цена этих товаров выражается в одном грамме золота. Равняется ли этот грамм золота 3 золотым маркам или 4 золотым франкам, или он носит другое название, это теоретически совершенно безразлично для отношения цен.

Мы видим, следовательно, как Маркс этим путем, во многих случаях отвлекаясь от явлений действительности, приходит к важным результатам, которые имеют более, чем теоретическую ценность. Это можно подтвердить, например, указанием на то, какое значение в современную эпоху обесценения денег имеет правильная теория денег при обсуждении средств, с помощью которых можно бороться с обесценением их.

III. Прибавочная стоимость.

Теперь мы займемся прежде всего вопросом о прибыли. Здесь естественно резче всего выступают противоречия между социалистической и буржуазной экономией, так как речь идет об основной проблеме капиталистического общественного строя. Стремление к прибыли отличает капитализм от других общественных форм; прибыль является единственной целью, ради которой капиталист производит. Мы должны, следовательно, этому пункту нашего исследования уделить особое внимание.

Самым наивным объяснением является то, что прибыль капиталиста получается благодаря тому, что он продает свои товары дороже, чем он их купил. Этот взгляд относится к самой ранней ступени политической экономии, к меркантилизму (от XVII до XVIII века); как показывает уже это название, самую главную отрасль капитализма составляла тогда торговля (mercator, по-латыни—купец). Купцу, конечно, кажется, что он получил свою прибыль оттого, что он дороже продал, чем закупил; что он, следовательно, обманул или своего поставщика, или своего покупателяи, или обоих.

Это объяснение могло удовлетворять теоретическим потребностям до тех пор, пока промышленный капитализм не достиг еще такого развития, как капиталистическая торговля; но в течение XVIII столетия, благодаря необыкновенному развитию техники, промышленный капитал стал господствующим фактором в

капиталистическом хозяйстве. Вместе с этим совершенно изменяется основа экономической теории; ибо до сих пор покупателем капиталистического купца был ремесленник или крестьянин, или при заморской торговле туземец, который не умел определять стоимость европейских товаров и в обмен на них отдавал большее количество своих продуктов, чем это соответствовало бы отношению стоимостей, или который хитростью и силой принуждался к такого рода торговле. А когда покупателем для купца являлся дворянин или чиновник, то и богатство последнего имело своим источником подати и пошлины, которые выжимались из крестьян и ремесленников.

Во всех этих случаях у экономически или социально более слабого отнималась часть продукта его труда, которая прямо или косвенно поступала к купцу в виде прибыли; вследствие этого могло казаться, что прибыль получается будто бы благодаря прибавке к цене, без затраты труда на ее производство. Этот взгляд мог даже получить причудливую форму теории известного теоретика народонаселения Мальтуса, который полагал, что расточительность землевладельцев, духовенства, чиновников и др. способствует развитию капитализма, ибо таким образом часть сумм, выжатых из плательщиков податей и арендаторов, попадает в карманы капиталистов в форме прибыли.

Но эпоха расцвета промышленного капитала представляет одновременно эпоху все более и более тесного сплетения всех хозяйственных отношений. Теперь уж, как правило, один капиталист покупает у другого. Тогда понятно объяснение прибыли прибавкой к цене становится бессмысленным. Ибо, когда каждый капиталист при продаже своих товаров прибавляет 10 процентов, то он теряет при покупке столько же, сколько он выиграл при продаже.

Но у промышленного капиталиста выступает еще новый фактор; купец покупает для продажи, между тем как у промышленного капиталиста между покупкой средств производства и продажей готового товара происходит процесс производства. Как неизвестное до сих

пор действующее лицо теперь выступает на сцену наемный рабочий.

Некоторые экономисты пытаются, несмотря на указанные уже возражения, защищать тот взгляд, что прибыль капиталиста—следовательно, также промышленного—получается от прибавки к цене, и именно от прибавки к цене товаров, которые продаются рабочему.

Защитники этого взгляда, которые еще не исчезли и в рядах социал-демократии, утверждают, что капиталист занимает по отношению к рабочему, как продавец его товаров, монопольное положение, так что он может сорвать с него монопольный налог путем повышения цен на продаваемые рабочим продукты. Иногда этот взгляд удивительным образом перекрещивается с совершенно несоциалистической теорией предельной полезности, которую мы вкратце изложили уже в предыдущей главе; тогда возникает теория, что для рабочего существует большая „необходимость" покупать, чем для капиталиста — продавать, так что рабочий должен согласиться платить более высокие цены, чем он это сделал бы при отсутствии монопольного положения капиталиста.

Однако, посмотрим внимательнее, к чему мы теперь приходим с буржуазной теорией. Мы видим, что в капиталистическом обществе все можно получить за деньги. И рабочий получает за свою работу деньги. Мы не касаемся здесь пока вопроса о том, правильно ли выражение „услуга" для труда рабочего, выражение, которое любят употреблять буржуазные экономисты; или же будем говорить вместе с Марксом, что здесь продается товар, и что этот товар есть рабочая сила. Во всяком случае принципиального различия между этим и другими товарами установить нельзя. Его цена определяется, следовательно, теми же законами, как и цена других товаров. По мнению многих буржуазных теоретиков, с которым мы уже познакомились, и которое мы пока будем считать правильным, этим регулятором является высота издержек, на которую в данный момент может влиять предложение и спрос.

Но в данном случае издержки представляют не что иное, как издержки на содержание рабочего. Если отношения на рынке таковы, что предложение рабочих сил меньше спроса на них, то цена их повышается; то-есть повышается заработная плата. При этих условиях рабочий класс находился бы в положении монопольного собственника, и он мог бы получить возможность сорвать с капиталиста „монопольную плату". Это несомненно замечательный вывод; и каждый рабочий, который сравнивает свой заработок с доходом капиталиста, будет очень поражен этим результатом и далеко не будет уверен в правильности вывода.

Поэтому пойдем дальше и рассмотрим тот случай, когда состояние рынка делает для рабочего невозможным требование монопольной платы, и когда поэтому издержки на содержание рабочего и заработная плата совпадают. Но при этих условиях отнюдь нет особой „необходимости" для рабочих, которая заставила бы их давать продавцу жизненных средств больше средних цен. Последний таким образом вовсе не имеет возможности создавать себе монопольной цены.

Остается, следовательно, лишь третий случай, именно что состояние рынка заставляет рабочего удовлетворяться более низкой заработной платой, чем это соответствовало бы издержкам на его содержание. В этом случае предприниматель имеет несомненно возможность положить себе в карман монопольную прибыль; но к чему это приводит? Сама буржуазная наука говорит, что производство товара сокращается, когда цена его падает ниже издержек. Что это здесь означает? Уровень жизни рабочего понизился; он уже не в состоянии хорошо кормить и одевать себя и свою семью; жилищные условия ухудшаются, и в заключение смертность среди рабочих увеличивается. Если это положение, которое мы действительно можем наблюдать при всяком кризисе, продолжается в течение целого человеческого поколения, тогда следующее поколение будет гораздо меньше

численно, предложение рабочих сил падает, и рабочий становится в положение монополиста. Это объяснение могло бы оказаться достаточным для одного поколения, и капитализм должен по прошествии этого периода приостановить свою эксплоататорскую деятельность.

Какая картина получается в действительности? Капитализм существует несколько столетий и за последние 150 лет он сделал быстрые успехи. В то же время рабочий класс необычайно вырос численно, и он сумел вырваться из того жалкого положения, которое создал для него молодой капитализм. Мы приходим, следовательно, к тому результату, что развитие капитализма привело не к обеднению рабочего класса, а к тому, что пролетариат, хотя и в незначительной степени, добился улучшения своего положения. Этот факт должен быть признан, хотя и нельзя забывать того, что капитализм всегда имеет склонность понизить уровень жизни рабочих, и что особые условия иногда могут ему дать возможность осуществить эту тенденцию. Таким образом мы можем сказать, что обеднение наемного рабочего не является нормальным положением при капитализме; что развитие капитализма может происходить и тогда, когда жизненный уровень рабочего не понижается, и заработная плата соответствует издержкам на поддержание его жизни. И далее мы видим, что даже тогда, когда монопольная прибыль предпринимателя исключена, капиталистическое производство все же расширяется, и происходит накопление сокровищ.

Совершенно необъяснимым остается по этой теории прибыль, получаемая капиталистами при производстве и продаже предметов роскоши, которые большей частью покупаются капиталистами, и приобретение которых отнюдь не является необходимым. Здесь объяснение прибыли монопольными ценами совершенно ничего не дает.

С объяснением прибыли из продажи, то-есть из обращения товаров, мы не приходим к положительному ре-

зультату. Если мы оставим так-называемую теорию „воздержания“, которая сводится к старой сказке о бережливом и прилежном хозяине и о легкомысленном и ленивом рабочем,—то остается лишь одна возможность объяснения происхождения прибыли; мы должны оставить область обращения и перейти в область производства.

Все объяснения, которые мы до сих пор разбирали, рассматривали товар, как нечто готовое, как нечто данное природой, как будто он упал с неба; и задача людей состоит лишь в том, чтобы обменять их друг на друга и по возможности обмануть друг друга в торговле. При этом совершенно не замечают, что один только обмен товаров никогда не может сделать общество более богатым; даже когда ловкому обманщику или спекулянту удается накопить богатства, то это всегда происходит за счет другого. Один, следовательно, выигрывает лишь то, что другой теряет, и общество, как целое, не становится богаче ни на грош.

Единственным источником богатства является производство или, как говорил уже в XVII столетии Петти, один из первых и крупнейших английских экономистов, „труд это его (богатства) отец и земля его мать“. Если труд, вместе с силами природы, создает все богатства, то он естественно должен быть также творцом богатства класса капиталистов.

Этого серьезные буржуазные теоретики и не отрицали никогда; когда мы читаем произведения их наиболее видных представителей, как, например, Смита или Рикардо (оба жили 100—150 лет тому назад в Англии), мы поражаемся честному и ясному методу, с помощью которого они искали правильного разрешения проблемы, не думая о политических выводах, которые можно было сделать из их произведений. Лишь их последователи, и именно университетские профессора, получающие жалованье от государства, как пожиратели социалистов, опошлили и исказили их учение—и в конце-концов даже забыли его.

Лишь в одном взгляде, который разделяют некоторые из этих „современных“ буржуазных теоретиков,

повидимому, сохранился некоторый остаток учения их лучших предшественников, хотя он изменен до неузнаваемости. Часто высказывается мнение, что прибыль капиталиста представляет не что иное, как плату за его труд, как управляющего, которая соответственно квалификации труда должна быть выше платы рабочего или служащего.

Не отрицая необходимости труда управляющих и не умаляя их задачи, этот взгляд все же должен быть отвергнут, как совершенно ошибочный. На самом деле существует бесчисленное множество капиталистов, которые сами не ударяют палец о палец, а заставляют деньги „работать за них"; хотя они платят директорам своих заводов жалованье, соответствующее их положению и их знаниям, остается еще хорошая прибыль для самих капиталистов, которую никак нельзя объяснить трудом.

Как единственный способ объяснить прибыль, остается еще теория прибавочной стоимости Маркса, которую мы изложим вкратце в следующей главе.

Мы уже говорили раньше о теории стоимости Маркса и объяснили, что стоимость товаров определяется затраченным на его производство общественно необходимым трудом. Мы должны еще применить эту теорию также к рабочей силе, и тогда мы очень быстро придем к удовлетворительному результату. Стоимость рабочей силы, которую рабочий отдает в распоряжение предпринимателя, определяется, как стоимость всякого другого товара, количеством труда; необходимым для его производства. В капиталистическом обществе речь идет не о том, как определяется цена товара, созданного когда-нибудь при случайных быть может обстоятельствах, а о том, как устанавливаются отношения стоимостей и цен товаров, которые постоянно вновь создаются при одинаковых приблизительно условиях; точно также при определении стоимости рабочей силы речь идет не о том, как отдельный рабочий должен заработать в течение того или другого времени на свое содержание; а стоимость

рабочей силы определяется условиями, при которых постоянно восстановляется работоспособность самого рабочего и обеспечивается подрастание работоспособного потомства. Таким образом, чтобы определить **среднюю стоимость рабочей силы**, нужно учесть время, которое требуется для производства жизненных средств и других необходимых предметов для рабочего и его семьи.

Цена, которую капиталист платит за употребление рабочей силы, вовсе не должна, конечно, совпадать со стоимостью рабочей силы. Возможно, что цена рабочей силы, то-есть, следовательно, заработная плата, спустилась ниже стоимости рабочей силы; но тогда должны надолго наступить те явления, которые мы указали раньше, и которые должны привести к уменьшению числа рабочих, или к обеднению рабочего класса, если уменьшение рабочих сил компенсируется притоком новых, например, сельских рабочих. Так как в течение десятилетий не произошло ни уменьшения числа рабочих, ни обеднения их, а наблюдается, наоборот, значительное увеличение количества рабочих одновременно с повышением уровня их жизни, то заработная плата в среднем должна была, следовательно, по крайней мере совпадать со стоимостью рабочей силы.

Как же при таких условиях возможна прибыль капиталиста? Разрешение этого вопроса объясним на примере. Количество труда, необходимое для того, чтобы создать потребляемые рабочим жизненные средства, выражается, скажем, в пяти часах. Требуется, следовательно, пять часов труда, чтобы на различных фабриках и других местах производства создать те средства питания, одежду и другие предметы для жилища, содержания, обучения и т. д., которые потребляет в среднем рабочая семья в тех исторических условиях, в каких она живет. Если заработная плата, которую рабочий получает от своего предпринимателя, дает ему возможность получить все эти товары, то-есть, если заработная плата соответствует стоимости рабочей силы, то прибыль для предпринимателя возможна лишь таким образом, что **он заставляет рабочего ра-**

ботать не только пять часов, а больше. В первые пять часов рабочего дня рабочий производит товары, стоимость которых соответствует стоимости его рабочей силы, его заработной плате. То, что он создает сверх того, поступает при современных отношениях к капиталисту и составляет его прибыль. Эту прибыль Маркс называет прибавочной стоимостью, так как рабочий производит стоимость, превышающую стоимость его рабочей силы [1]).

Мы видим, следовательно, что объяснение, которое нам дает Маркс, приводит к тому результату, что рабочий получает плату, соответствующую стоимости его рабочей силы, и что предприниматель, несмотря на это, получает прибавочную стоимость, следовательно, эксплоатирует рабочего. Эта теория до сих пор является единственной теорией, которая могла, не впадая в противоречия, объяснить исторические факты, меж тем как все другие попытки привели нас к неразрешимым противоречиям.

Но, чтобы еще больше разъяснить этот вопрос, необходимо дальнейшее замечание. Кто хочет понять теорию стоимости и прибавочной стоимости Маркса, тот должен хорошо различать понятия труд и рабочая сила. Труд создает стоимость, но сам он не имеет стоимости. Рабочая сила, наоборот, имеет стоимость, но она создает стоимость лишь тогда, когда она превращена в действие, то-есть, когда, следовательно, только лишь способность выполнять труд действительно превратилась в труд. Чтоб объяснить это на примере, приведем сравнение

---

[1]) Потому Маркс называет ту часть капитала, которая затрачена на заработную плату, переменным капиталом, в отличие от остальной части капитала, которую он называет постоянным капиталом. Переменный капитал (т.-е. заработная плата) создает новую стоимость, которая выше заработной платы; эта новая стоимость = заработной плате + прибавочная стоимость; постоянный капитал новой стоимости не создает; в стоимость вновь произведенного продукта постоянный капитал (стоимость сыр. матер., изношенной части машин, топлива и т. д.) входит, не изменяя своей величины.

Примеч. переводч.

из естествознания, взятое Энгельсом. Он говорит в предисловии ко второму тому „Капитала“: „Как деятельность, которая создает стоимость, труд так же не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота особой температуры, электричество особой силы тока. Не труд покупается и продается, как товар, а рабочая сила. Когда она становится товаром, ее стоимость определяется трудом, заключенным в ней, как в общественном продукте“.

Это различение необходимо потому, что теория прибавочной стоимости Маркса была бы несостоятельна, если бы только мы говорили о „стоимости труда“; ибо тогда стоимость, которую капиталист платит рабочему „за его труд“, то-есть, как заработную плату, должна естественно равняться стоимости, которую рабочий создает своим трудом; прибавочная стоимость, следовательно, не могла бы возникнуть.

IV. Прибавочная стоимость и прибыль.

Мы уже знаем, что причины капиталистической эксплоатации заключаются в том, что материальная нужда заставляет рабочего работать для предпринимателя дольше, чем это соответствовало бы его заработной плате. Если последовательно проведем эту теорию до конца, то придем к заключению, что прибавочная стоимость предпринимателя должна расти соответственно числу занятых им рабочих.

Известно, что в отдельных предприятиях число занятых рабочих в сравнении со всем капиталом бывает различно. Несомненно, затрата капитала, необходимого для устройства металлургического завода, значительно превышает затрату на текстильную фабрику; все же число рабочих на текстильной фабрике будет гораздо больше, чем в доменном производстве, созданном с теми же затратами. Если мы потом перейдем к ремесленнику или даже к сельскому хозяйству, то найдем, что капитал, затраченный на заработную плату, значительно превышает тот капитал, который вложен в средства производства.

Если бы прибыль капиталиста на самом деле соответствовала прибавочной стоимости, созданной его отдельными рабочими, то предприниматель должен был бы получить тем большую прибыль, чем больше он занимает рабочих, независимо от того, какой капитал он затратил. Согласно этому положению было бы полезнее эксплоатировать массу рабочих, работающих на ручном станке, чем производить то же число продуктов с помощью меньшего числа рабочих, но больших машин.

Этот вывод противоречит, очевидно, фактам. Существуют лишь две возможности: или теория прибавочной стоимости ошибочна, или с помощью теории прибавочной стоимости можно объяснять факты.

Последняя возможность действительно существует. Вспомним, что цена и стоимость отнюдь не тождественны, но что все же цена в конце-концов определяется стоимостью. Точно так же обстоит дело с прибавочной стоимостью и прибылью: они совпадают количественно лишь в случайных отдельных случаях; все же норма прибыли не может быть объяснена без теории прибавочной стоимости.

Ибо и здесь проблема заключается в объяснении средней нормы прибыли, а не прибылей, полученных в отдельных случаях, благодаря особенно благоприятной конъюнктуре или благодаря искусству предпринимателя. Это особенно подчеркивается в побасенках буржуазной науки, чтобы показать, как необходимо господство свободной конкуренции и инициативы предпринимателя, так как только они открывают „способному свободный путь“; так как они заботятся о выборе более умных и более искусных, меж тем как ленивый и расточитель погибают. Отсюда потом делается тот назидательный вывод, что причина заключается именно лишь в недостаточных способностях рабочих, если у них ничего не получается; меж тем как капиталисты являются воплощением ума, способностей, прилежания и бережливости. Само собой разумеется, что эти добродетели ниспосланы им самим господом богом, и что таким образом весь социальный строй соответствует воле божьей, и создан самим всевышним. На веки веков. Аминь.

Но рабочий класс знает, как можно верить басням, о которых пишут в этих книгах, и опыт фабрично-заводских комитетов еще больше убедит его в том, что имеются как способные, так и неспособные предприниматели, и что лишь среднеодаренным и даже совсем неодаренным капиталистам также удается получить свою прибыль.

Дело сводится, следовательно, не к тому, чтобы объяснить тот или другой отдельный случай, а речь идет о всей системе. Эта система состоит в том, что одинаковые капиталы дают одинаковые прибыли. На практике, конечно, существуют большие различия в полученных прибылях, но современем устанавливается известная средняя норма. Открытие новых золотых приисков или богатых алмазных копей создает для отдельных счастливцев огромные богатства, и таким образом получается видимость, что в этой отрасли производства норма прибыли выше средней; но на этих немногих счастливцев судьбы приходятся сотни несчастных, которые совершенно погибают, или в лучшем случае влачат жалкое существование.

Этот пример дает нам возможность представить себе механизм, благодаря которому прибыли понижаются до средней нормы. Прибыль служит главным стимулом капиталиста; жажда прибыли представляет ту силу, которая поддерживает капиталистическую систему. В средние века каждый старался заработать лишь столько, чтобы он мог жить „соответственно званию“; крупный купец, дворянин, духовное лицо—все они придавали значение внешнему блеску. Это меняется с развитием капитализма. Современник фоггеров, крупнейших капиталистов своего времени, выразился об одном из главных членов их семьи с наивным изумлением: „он хотел бы получить столько прибыли, сколько возможно было“. Это типичный капиталистический принцип, и под его знаком произошли затем величайшие перевороты.

Эти перевороты были увенчаны великой французской революцией, которая началась с лозунгами: свобода, равенство, братство. Но в то время как буатство скоро исчезло, другие два лозунга сохранились в таком смысле, как их понимала революционная буржуазия: свобода эксплоатации и равенство прибыли.

В своем стремлении к равенству прибыли капиталисты идут так далеко, что они жалуются на преимущества конкурентов даже тогда, когда это противоре-

чит интересу их класса. Когда, например, в конце прошлого столетия в России введены были в отдельных отраслях промышленности законы по охране труда, то владельцы этих промышленных предприятий усиленно просили правительство ввести те же меры и в других отраслях, так как иначе им придется работать при различных условиях.

Средством, с помощью которого капиталистическому обществу удается установить равенство норм прибыли, является свободная конкуренция. Стремление к прибыли толкает предпринимателя туда, где он может получить максимальную прибыль. Как счастливое открытие золотых приисков привлекает тысячи золотоискателей к тому месту, где имеется такое счастье,—так капиталисты набрасываются на то дело, которое обещает самый богатый доход. Но почти хочется верить в введенную Гегелем в философию истории „хитрость истории", с помощью которой „мировой дух", то-есть сила идеи, определяющая исход событий, заставляет людей исполнять его волю помимо или даже вопреки их намерению; ибо именно стремление к более высокой прибыли, к обогащению отдельного человека приводит к понижению прибыли до нормы, обычной в остальных отраслях промышленности.

Мы видели в первой главе, что предложение и спрос могут вызвать временные колебания цен. Если, например, на рынке появляется новый товар, который находит хороший сбыт, то первое время, когда его производят и продают лишь немногие, за него можно получить бóльшую цену, чем это соответствовало бы нормальным условиям производства. Эта более высокая цена означает для участвующих капиталистов более высокую прибыль. Этим привлекаются новые капиталисты, возникают новые места производства, предложение растет, цены и вместе с ними и прибыли падают. Если прилив капитала был слишком велик, то прибыли падают ниже средней нормы; тогда начинается противоположная игра: происходит отлив капиталов, производство сокращается, цены и прибыли повышаются.

Таким образом, рынок находится в постоянном движении. Никогда нет состояния равновесия; никогда размеры производства не устанавливаются заранее; всегда в расчеты и спекуляции предпринимателей лишь задним числом вносятся неумолимые во всяком случае поправки. Решающее значение имеет только потребность, но не абсолютные физиологические или культурные потребности людей, а только их платежеспособный спрос.

Величина последнего при господстве капитализма очень сильно, конечно, колеблется—достаточно подумать о моде—и поэтому все производство едва ли когда-либо находится в состоянии покоя. Все же этот необыкновенный механизм обеспечивает существование системы, хотя иногда лишь с самыми тяжелыми трениями; потом мы еще познакомимся с некоторыми из них.

Но раньше нам еще нужно разрешить другую проблему. В этой главе мы часто говорили о „нормальной“ или „средней“ норме прибыли; но мы только объяснили отклонения от этого среднего уровня. Однако, закон спроса и предложения также не дает в этом случае удовлетворительного разрешения проблемы, как и при теории цены и стоимости. И здесь его достаточно лишь для объяснения колебаний, а не для установления средней нормы прибыли, к которой цены стремятся при всех колебаниях.

Высота средней нормы прибыли может быть объяснена лишь с помощью теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса. Конечно, мы не должны применять ее механически, а должны стараться приспособить ее к действительным явлениям. Попытаемся разрешить вопрос с помощью нескольких числовых примеров. Для удобства мы предполагаем, что рабочий день длится восемь часов, и что рабочему из них нужно четыре часа для создания стоимости необходимых ему предметов, и четыре часа прибавочного труда он отдает капиталисту. Мы, конечно, можем произвольно изменить числа, нисколько при этом не изменяя принципа капиталистической эксплоатации.

Сравним теперь трех капиталистов, из которых каждый вносил в другую отрасль промышленности капитал в 100.000 золотых крон,—например, в доменное производство, в машиностроительный завод и в прядильную фабрику; в связи с техническими условиями производства числовое отношение между капиталом, затраченным на заработную плату, и капиталом, вложенным в средства производства, должно у них получиться различное; то-есть в доменном производстве вложена в средства производства более значительная часть всего капитала, чем на машиностроительном заводе, и на последнем опять-таки большая часть, чем на прядильной фабрике, конечно, при предположении, что средняя заработная плата рабочих в этих трех промыслах одна и та же.

Обозначим доменное производство буквой *A*, машиностроительный завод буквой *B* и прядильную фабрику буквой *C*; тогда мы можем написать следующие три равенства, в которых взяты произвольные числа:

A 100.000 весь капитал = { 80.000 средства производства. + 20.000 заработная плата.

B 100.000 весь капитал = { 50.000 средства производства. + 50.000 заработная плата.

C 100.000 весь капитал = { 20.000 средства производства. + 80.000 заработная плата.

Если мы вспомним нашу предпосылку, что рабочий доставляет капиталисту столько же прибавочной стоимости, сколько составляет стоимость его предметов потребления, то-есть, следовательно, сколько составляет его заработная плата, то получился бы тот интересный результат, что каждое отдельное предприятие доставляло бы другую прибыль, хотя эксплоатация рабочего во всех этих случаях одинакова. В примере *A* созданная прибавочная стоимость составляла бы 20.000 золотых крон, в *B* 50.000 и в *C* 80.000. Если мы определим отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, то получим прибыль. Нормой прибыли капиталист, а также и экономист называет отношение прибавочной стоимости ко всему ка-

питалу, выраженное в процентах. В случае *A* норма прибыли составляла бы 20.000 : 100.000 = 20 процентам, в случае *B* соответственно этому получим 50 процентов и в случае *C*—80 процентов.

Так как стоимость товара может быть разложена на стоимость примененных средств производства, заработную плату и прибавочную стоимость, то мы получаем при строгом применении принципа стоимости следующие суммы стоимости для продуктов трех промыслов:

A	80.000 средств произв.		
+	20.000 зараб. плата.	= 120.000	вся стоимость.
+	20.000 прибав. стоим.		
B	50.000 средств произв.		
+	50.000 зараб. плата.	= 150.000	вся стоимость.
+	50.000 прибав. стоим.		
C	20.000 средств произв.		
+	80.000 зараб. плата.	= 180.000	вся стоимость.
+	80.000 прибав. стоим.		
A + *B* + *C*	150.000 средств произв.		
+	150.000 зараб. плата.	= 450.000	вся стоимость.
+	150.000 прибав. стоим.		

По изложенным нами законам свободной конкуренции это различие норм прибылей привело бы к тому, что капитал перешел бы из отраслей промышленности *A* и *B* в *C*; но потребность общества безусловно служит этому препятствием. Обществу нужна не только пряжа, ему также необходимо иметь железо и машины; да и сама текстильная промышленность не могла бы существовать без этих продуктов.

Но если невозможно сокращение *A* и *B*, как же тогда может быть разрешена проблема? Не иначе, как следующим образом:

В *A*, *B* и *C* вместе произведено 150.000 прибавочной стоимости. В пределах этой последней и происходит распределение прибыли. Как в акционерном обществе дивиденд (доля из прибыли) определяется величиной вложенного капитала, так во всем общественном производстве созданная рабочим классом прибавочная

стоимость распределяется между отдельными отраслями производства соответственно затраченным в них капиталам, независимо от отношения, в каком в различных отраслях капитал, затраченный на заработную плату, стоит ко всем остальным затратам.

Производство пряжи будет поэтому возрастать лишь до тех пор, пока цены на пряжу не понизятся настолько, что прядильные фабрики не доставят больше прибыли, чем другие промышленные предприятия. Производство железа будет отставать от потребности в нем до тех пор, пока цены на железо не будут также давать среднюю прибыль.

На самом деле колебания цен не будут так велики, как мы могли бы предположить на основании теории, так как стремление к средней прибыли действует уже определяющим образом при возникновении всякого отдельного предприятия.

Приведенное выше равенство подверглось бы следующему изменению:

A	80.000 средств произв.		
	+ 20.000 зараб. плата.	= 150.000	вся цена.
	+ 50.000 прибыль.		
B	50.000 средств произв.		
	+ 50.000 зараб. плата.	= 150.000	вся цена.
	+ 50.000 прибыль.		
C	20.000 средств произв.		
	+ 80.000 зараб. плата.	= 150.000	вся цена.
	+ 50.000 прибыль.		
$A+B+C$	150.000 средств произв.		
	+ 150 000 зараб. плата.	= 450.000	вся цена.
	+ 150.000 прибыль.		

Прибавочная стоимость превратилась в среднюю прибыль и одновременно стоимость в цену (Маркс называет ее ценой производства, в отличие от рыночной цены, которая определяется предложением и спросом и другими случайными обстоятельствами).

Если мы сопоставим эти равенства, и будем их рассматривать уж не как три отдельных примера, а

как упрощение очень сложного общественного производства, тогда мы поймем значение закона стоимости и прибавочной стоимости. Как сумма стоимостей, созданных всем общественным трудом, совпадает с суммой цен, так сумма прибавочной стоимости соответствует сумме прибылей. Стоимость и прибавочная стоимость это те рамки для явлений действительной жизни, внутри которых могут и должны совершаться передвижения, но которых они не могут разорвать.

Пример из естествознания может объяснить это отношение. Сила тяжести служит во всех наших физических опытах и вычислениях решающим фактором. Другие силы могут вызвать отклонения, могут даже повидимому, превратить ее в свою противоположность; но она никогда не перестанет действовать, и всякая попытка пренебречь ею должна потерпеть полное крушение, подобно безумному полету Икара к солнцу. Такое же незаметное, такое же неосязаемое действие имеет закон стоимости. И здесь действуют силы, которые изменяют его и заставляют его выступать в других формах; но он этим не устраняется.

Никакая другая теория не дает нам возможности определить средние цены и прибыли, как мы это можем понять из равенств. Другие попытки объяснения могут лишь определить причины колебаний около этой средины, но не высоты этой последней. Однако, речь идет лишь об этом последнем вопросе, и разрешить его нам помогает только учение Маркса.

V. Изменения нормы прибыли и их причины.

а) Тенденция к понижению нормы прибыли.

Развитие капиталистического хозяйства совершается в постоянных противоречиях. Мы уже видели, что более высокая прибыль в промысле с хорошей конъюнктурой служит причиной прилива новых капиталов, который повышает производство, понижает цены и прибыли и таким образом превращает благоприятную конъюнктуру в ее противоположность. Можно, следовательно, сказать, что всякая хорошая конъюнктура носит в себе зародыш плохой конъюнктуры.

Что относится к отдельному капиталисту, то относится также к общественному производству. Конкуренция—маховое колесо в машине капитализма, стимулом которого является жажда прибыли, несет заботу о том, чтобы не было остановки в движении машины, и с неудержимой силой она заставляет все части и колеса развить возможно бóльшую скорость. Что не может выдержать такого темпа, то уничтожается, истребляется, и его место занимают новые, более производительные составные части.

Решающее значение для сбыта товаров капиталиста и вместе с тем для продолжения производства имеет потребность. Больше всего может сбыть тот, кто продает дешевле всего. Но дешевизна означает или сбережение труда или увеличение эксплоатации рабочих или—конечно тогда получается максимальное действие—и то и другое.

Рассмотрим каждую из этих возможностей в отдельности. Сбережение труда возможно благодаря техническому или организационному прогрессу. Мы уже видели во второй главе, что введение машин сопровождается постоянным падением товарных цен; что превосходство машины было для молодого капитализма средством уничтожения путем конкуренции ремесла, и что это развитие служит лучшим историческим доказательством справедливости теории стоимости Маркса.

Конкуренция заставляет отдельных капиталистов усовершенствовать свое производство в техническом и организационном отношении. Если кто-нибудь благодаря изобретению получает возможность продавать дешевле своих конкурентов, то каждый из них будет стараться ввести и в своем деле новое изобретение, или, если этому мешают сохранение изобретения в тайне, патенты или другие причины, то они постараются компенсировать это другим путем. Таким образом неумолимое соперничество требует постоянного, напряженного внимания; каждое вновь всплывающее явление должно быть замечено и учтено, иначе неосторожному капиталисту грозит опасность, что конкурент опередит его и выбьет его из позиции.

Конкуренция таким образом стала причиной сильнейшего технического прогресса, какой только знало когда-либо человечество. Изобретение новых и новых машин, открытие важных законов природы, повышение интенсивности человеческого труда—все это ее дело. Правда, то, что должно дать счастье человечеству, до сих пор приносило ему несчастье; ибо этому развитию принесена в жертву жизнь бесчисленных миллионов мужчин, женщин и детей всякой расы и языка, счастье и здоровье которых оно разрушило.

Являясь решающим фактором для расцвета капитализма, конкуренция скрывает в себе силу, которая грозит стать опасной для него. Мы выяснили в предыдущих главах, что вся прибавочная стоимость, находящаяся в распоряжении класса капиталистов, производится рабочим классом. Вся ее сумма зависит, следовательно, от числа занятых рабочих и степени

их эксплоатации, в то время как величина прибыли отдельного капиталиста зависит от величины его капитала.

Так как конкуренция имеет тенденцию увеличивать часть капитала, вложенную в машины, и, наоборот, уменьшить долю человеческого труда в производстве, то при неизменной эксплоатации рабочего класса вся сумма произведенной прибавочной стоимости в сравнении со всем капиталом класса капиталистов должна была уменьшиться.

Мы видели в предыдущей главе, как устанавливается среднее между различными строениями капитала в зависимости от величины его составных частей— капитала, затраченного на заработную плату, и капитала, вложенного в средства производства, и что среднее строение определяет высоту нормы прибыли. (В нашем числовом примере средняя величина капитала, вложенного в средства производства, составляла 50.000, средняя величина капитала, затраченного на заработную плату, также 50.000, и соответственно этому, так как предполагается, что прибавочная стоимость равна заработной плате, прибыль, которая здесь равна прибавочной стоимости, составляет 50.000; норма прибыли, отношение прибыли ко всему капиталу, составляла 50 процентов). С техническим прогрессом расход на средства производства растет быстрее расхода за заработную плату; при предположении, что степень эксплоатации остается та же, то-есть, что сумма прибыли растет лишь так же, быстро, как издержки на заработную плату, получается падение нормы прибыли.

Если мы хотим иллюстрировать это теоретическое рассуждение числовым примером, то можем это сделать, принимая за исходный пункт вышеприведенные числа; мы тогда предположим далее, что в течение ряда лет заработная плата лишь удвоилась, меж тем как остальная часть капитала увеличилась в четыре раза. В результате получилось бы вместо первого равенства:

50.000 средства производства
+50.000 заработная плата
+50.000 прибыль
} =150.000 цена производства

следующее равенство:

200.000 средства производства
+100.000 заработная плата
+100.000 прибыль
} =400.000 цена производства

В то время, следовательно, как затраты капитала увеличились втрое (200.000 средства производства + +100.000 заработная плата = 300.000, вместо: 50.000 средства производства + 50.000 заработная плата = = 100.000), прибыль возросла лишь вдвое (100.000 вместо 50.000). Норма прибыли понизилась с 50 процентов до $33^1/_3$ процентов [1]). Отюда получаем вывод, что развитие техники в капиталистическом обществе связано с тенденцией к понижению нормы прибыли.

Логическим следствием этого положения было бы то, что капиталистический общественный строй в конце-концов должен был бы сам по себе рушиться, так как конкуренция необходимо приводит к непрерывному росту машин, что сопровождается понижением нормы прибыли. Однако, многие читатели с удивлением будут качать головой, так как им кажется, что в действительности этого закона не видно. Но наблюдение в течение короткого периода времени—и к тому-же такого ненормального времени, какое мы переживаем теперь!—не должно нас вводить в заблуждение, и мы не должны считать ошибочными и несуществующими законы, осуществления которых мы не имеем перед своими глазами. Закон падения нормы прибыли осуществлялся в определенное время и оказывал решающее влияние на хозяйственное развитие.

Но капитализм в сущности полон противоречий; всякая тенденция создает противоположные ей тен-

[1]) В оригинале здесь ошибка: написано с 33% до 25%. Примеч. переводч.

денции, и они стараются побороть друг друга; в зависимости от величины борющихся сил, победа останется за той или другой из этих сил, которая и будет направлять развитие в определенную сторону. На поверхности тогда наблюдаются явления, которые, повидимому, указывают лишь на одну определяющую тенденцию. Кто удовлетворяется наблюдением поверхности, тот быстро составит себе теорию, которая ему кажется простой и ясной; он будет высмеивать тех, которые пытаются вникнуть глубже и в этой работе приходят к пониманию сложности явлений в процессе развития. Конечно, на следующей ступени развития он должен будет заметить, что действительность делает противоположное тому, что он ей хотел бы предписать; тогда он отбросит свою теорию, чтобы построить себе новый карточный домик. Более осторожный наблюдатель, который стремится понять основную причину, заметит, наоборот, что кажущийся поворот в процессе развития сводится лишь к возникновению или усилению тенденции, противоположной той силе, которая до сих пор одна и выступала в явлении; но при этом первоначально действовавшая тенденция не перестала существовать. Если мы и здесь применим уже приведенное нами сравнение с силой тяжести, то можем сказать, что поверхностный наблюдатель, следя за движением брошенного кверху камня, сначала полагал бы, что имеется лишь сила, бросающая вверх, и потом к удивлению своему видит силу, действующую в обратном направлении; меж тем как другой наблюдатель с самого начала принимает в расчет силу тяжести и понимает, что уже направление и быстрота летящего вверх камня находится под влиянием силы тяжести; что падение имеет своей причиной не что иное, как перевес силы тяжести над метательной силой.

Точно также и тенденции к понижению нормы прибыли мы не должны отрицать на том основании, что в настоящее время она не проявляется; мы должны искать случайно действующие противоположные тенденции. Эти последние можно легко понять, если мы рассмотрим предпосылки развитого нами закона.

в) Устранение конкуренции.

Первой из этих предпосылок была свободная конкуренция, которая способствует техническому прогрессу. Все мы знаем стремление капиталиста избавить себя от конкуренции. Возмущаясь тем, что другой хочет ему помешать в его соревновании, он в то же время прилагает все старания к тому, чтобы отгородить себя от своих конкурентов, так как они грозят сократить его прибыль. Средства, которыми он для этой цели пользуется, различны.

Одно из любимейших и самых действительных средств представляет введение охранительных пошлин, которые защищают местный рынок от заграничной конкуренции. Когда охранительных пошлин недостаточно, тогда капиталист, которому „грозит опасность", требует „запретительных" пошлин, то-есть таких высоких пошлин, что ввоз товара становится совершенно невозможным,—или запрещения ввоза. Дополнением к воспрепятствованию импорта служат вывозные премии или разные субсидии, которые должны местному продукту облегчить конкуренцию на мировом рынке. Чаще всего в этой области мы встречаем субсидии, которые до войны почти во всех государствах, также в старой монархии, выдавались для развития судостроения и судоходства и выдаются еще теперь в самых больших размерах во Франции и со времени войны особенно в Соединенных Штатах.

Все эти меры изменяют условия конкуренции и повышают прибыль. Но в то же время они имеют тенденцию замедлить развитие техники, так как они уменьшают или совсем уничтожают действие конкуренции; ибо прибыль, по крайней мере частью, повидимому, обеспечена. Известно это действие при пошлинах; и стоит только сравнить слабо развитую промышленность Франции, классической страны с высокими охранительными пошлинами, с высоко развитой промышленностью Англии с ее свободной торговлей, чтобы убедиться в правильности этих рассуждений.

Но и здесь во всяком случае нельзя делать обобщений; ибо Германия и Соединенные Штаты, страны с наиболее высоко стоящей техникой, также окружены таможенными стенами; так что здесь должны действовать причины, которые уничтожают действия пошлин задерживающие развитие. Такие причины на самом деле имеются, как мы еще увидим потом.

То же самое относится ко второму средству, которое применяют капиталисты для устранения конкуренции—к картелям. Так обыкновенно называется соединение различных капиталистов, которые производят один и тот же товар, с целью устранения взаимной конкуренции. Это иначе называется синдикатом или рингом; трестом называется более развитая форма картелей, где самостоятельность отдельных членов уничтожена, и картель превращается в акционерное общество с централистическим правлением.

Картели соответствуют по своей первоначальной цели—с другими мы еще познакомимся потом—приблизительно охранительным пошлинам; они поддерживают высокие цены на внутреннем рынке и этим самым способствуют повышению прибылей. Таким образом это не является случайностью, что картели и охранительные пошлины идут параллельно; это является следствием их внутреннего родства. Оно выражается также в том, что картели, так же как пошлины, имеют тенденцию задерживать развитие; но и эта тенденция отнюдь не всегда проявляется.

c) Возрастание эксплоатации.

Но конкуренция является такой громадной силой в капиталистическом хозяйстве, что едва ли она может быть когда-либо совершенно устранена. В большинстве случаев она действует так сильно, что капитализм ищет еще другого средства повысить норму прибыли. Еще лучше, чем путем устранения конкуренции, он может это сделать путем увеличения эксплоатации рабочего класса. Если бы ему удалось в нашем числовом примере (см. стр. 50) так

повысить эксплоатацию, что отношение между заработной платой и прибылью уж было бы не 100.000 к 100.000, то-есть 1 к 1, а 50.000 к 150.000, следовательно 1 к 3, то норма прибыли была бы уж не—100.000 к 300.000 или 33 процента, а 150.000 к 250.000, или 60 процентов, то-есть она не понизилась бы, как мы предположили раньше, а возрасла бы, несмотря на применение большего количества машин, сырого материала и т. д.

Путей, ведущих к этой цели, к которой так горячо стремится благородная душа всякого предпринимателя, очень много. Самыми обычными средствами являются мелкие, или, скажем лучше, кажущиеся мелкими способы вычетов заработной платы, штрафных денег и т. д. и т. д., которые, при систематическом применении играют немаловажную роль. Но эти уловки представляют для нас теоретически небольшой интерес, как бы важны они ни были и должны быть естественно для профсоюзного работника. Они принадлежат к арсеналу всякого капиталиста; всякий рабочий, прошедший школу профессиональных союзов, так хорошо знает их, как попытки понизить его уровень жизни, что нет необходимости особенно подчеркивать необходимость бороться с этим.

Гораздо опаснее способы увеличения эксплоатации при сохранении реальной заработной платы, так как капитализм любит облачать их в социально-политическую тогу.

Самым обычным способом является удлинение рабочего дня. Эта тема теперь, в виду стараний международного капитала отменить восьмичасовой рабочий день, особенно актуальна. Мы видели в главе о прибавочной стоимости, что заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, и последняя опять-таки количеством труда, которое требуется для производства необходимых для рабочей семьи товаров. В данный момент потребности рабочего—материальные и культурные—представляют определенную величину, изменение которой возможно лишь путем классовой борьбы. Как капитализму свойственно стремле-

ние понизить реальную заработную плату и сократить потребности рабочего класса, одним словом, увеличить его нищету,—так целью пролетариата является улучшение условий своей жизни.

Эта борьба, условия которой мы потом рассмотрим еще подробнее, происходит непрерывно, и кончается то в пользу одного, то в пользу другого класса. Но если мы хотим заняться более точными исследованиями, то должны избрать для своих наблюдений определенный момент; здесь останавливается тогда всякое движение, и мы можем беспрепятственно производить свои наблюдения, подобно естествоиспытателю, который хочет наблюдать полет птицы и с этой целью делает ряд моментальных снимков. Здесь птица изображена в каждый момент в состоянии покоя, и лишь соединение отдельных снимков, например, в кинематографе, создает картину движения; но для исследователя особенно важно положение крыльев и туловища в каждый момент полета, и лишь путем наблюдения моментов видимого покоя получается правильная общая картина.

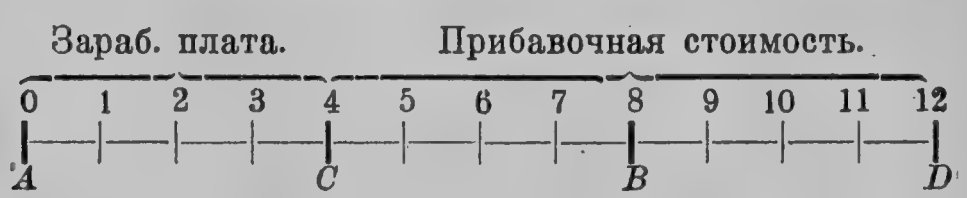
Так должен поступать и экономист; выделяя отдельные моменты и рассматривая отношения в данный момент, как неизменные, он может притти к правильному знанию; только этим путем он может объяснить законы движения, которые были бы ему непонятны, если бы он сделал предметом своих наблюдений лишь беспокойную, изменчивую картину движения.

Чтобы облегчить себе исследование, возьмем простое образное сравнение. Мы можем представить рабочий день, который имеет, предположим, нормальную длину в восемь часов, в виде линии, разделенной на восемь частей.

Из восьми часов рабочего дня рабочий, согласно нашему предположению, тратит четыре на создание

стоимости затраченной рабочей силы (на нашем рисунке это изображено линией *A—C*); остальные четыре производят прибавочную стоимость, которая достается капиталисту (линия *C—B*).

Капиталист может получить увеличение прибавочной стоимости тем, что он удлиняет рабочий день; на нашем рисунке линия должна быть удлинена за B. Она имела бы такой вид, если мы новый конечный пункт обозначим буквой *D*:



Рабочий день, следовательно, возрос с восьми до двенадцати часов. Доля, приходящаяся рабочему, не изменилась; наоборот, часть, принадлежащая капиталисту, увеличилась с четырех до восьми; то-есть, в то время как раньше он получал товары, которые производились в четыре часа, он теперь получает в виде прибавочной стоимости продукт восьми часов.

Но одновременно—и это нас здесь особенно интересует—изменяется отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью. Линия *A—C* относится к *C—B*, как 1 к 1, а к линии *C—D*,—как 1 к 2. Отношение прибавочной стоимости к заработной плате—так-называемая норма прибавочной стоимости—сначала выражается в 100 процентах, а потом в 200 процентах. Эксплоатация рабочего возрастает, следовательно, с удлинением рабочего дня даже тогда, когда реальная заработная плата остается неизменной.

Тот же результат, как и при удлинении рабочего дня, получается при увеличении интенсивности труда, то-есть при возрастании продукта без улучшений в машинах, просто благодаря более быстрой работе машин, благодаря более рациональному использованию рабочей силы и технического аппарата (так-называемое научное ведение дела или тэйлоризм). Эти

изменения повышают полезный эффект труда; то, что рабочий раньше производил в четыре часа, он теперь может создать в три часа, так что для получения его реальной заработной платы теперь уже требуется стоимость трех рабочих часов, меж тем как доля капиталиста возрастает с четырех до пяти часов.

Во всяком случае в действительности это развивается не так просто, как в нашем числовом примере. Когда капиталист хочет добиться увеличения выработки посредством аккордной работы—его обычное средство,—то он большей частью предоставляет рабочему часть возросшей стоимости в форме повышенной заработной платы, премий и т. д. Несмотря на это, его прибыль обычно возрастает не только абсолютно, но и относительно в сравнении с заработной платой; не говоря уже о том, что при аккордной работе он экономит на надсмотрщиках и погонщиках, которые при часовой плате должны заботиться о необходимой интенсивности труда.

Идеал капитализма состоит, конечно, в соединении обоих способов, и именно в настоящее время любимым аргументом буржуазной прессы является утверждение, что повышение интенсивности труда возможно лишь в связи с удлинением рабочего времени.

Этот аргумент, который приводится так часто, не выдерживает критики. Удлинение рабочего дня приводит к большему напряжению умственных и физических сил, которое не допускает повышения интенсивности труда. Лишь там, где бешеное движение машины заставляет беспомощную и безвольную рабочую силу, прежде всего, следовательно, женщин и детей, до последней степени напрягать свои силы в безмерно продолжительном страшно утомительном труде, лишь там капитализм может провести десяти, двенадцатичасовой и еще более длинный рабочий день при напряжении всех нервов и мускулов. Маркс рисует в первом томе „Капитала“ (7 глава и след. Рус. перев. под ред. Степанова 1920 года, стр. 189 и след.) потрясающую картину беспощадной эксплоатации в английской промышленности, именно в первой половине XIX столетия. Бесконечное удлинение рабочего дня—до 16 часов в

день для детей!—введение ночного труда, отсутствие всяких забот о гигиене в связи с неслыханной до тех пор интенсивностью труда, которая стала возможной только благодаря развитию техники,—все это привело к полному разрушению жизни и здоровья целых поколений рабочих.

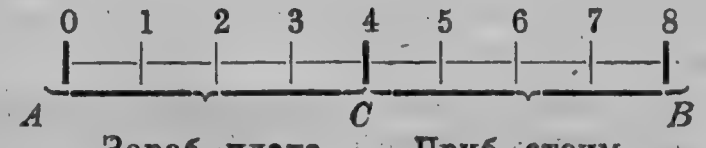
Лишь постепенно пролетариату удалось путем упорной борьбы устранить самое страшное зло, и последняя революция дала ему восьмичасовой рабочий день, которого он так долго добивался. Но ошибочно было бы полагать, что теперь поставлены навсегда границы эксплоатации. Предприниматели никогда не признавали восьмичасового рабочего дня, они всегда носились с мыслью отменить его при первой возможности.

Нет необходимости долго объяснять, что означала бы отмена этого важнейшего социально-политического завоевания. Здесь важнее всего обратить особое внимание на тот факт, что удлинение рабочего времени не означало бы повышения реальной заработной платы. В то время как, следовательно, повышение интенсивности труда в большинстве случаев дает рабочему, по крайней мере, часть прибавочного продукта, этого нет при удлинении рабочего дня. Если, следовательно, необходимо увеличение продукта труда—и не подлежит сомнению, что прекращение производства во время и после мировой войны безусловно вызывает необходимость повышения производства,—то в интересах рабочего класса добиться этого увеличения путем повышения интенсивности труда, а не путем удлинения рабочего времени; мы уже не говорим о том, что рабочий класс заинтересован во всяком прогрессе техники, в виду его значения для социализма.

Удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда не являются, однако, единственными способами, которые могут вызвать увеличение прибавочной стоимости и, следовательно, задержать падение нормы прибыли. Дальнейшая возможность заключается в самом прогрессе техники. Когда в отраслях производ-

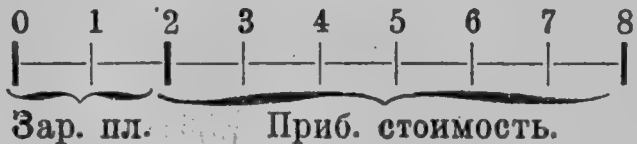
ства, которые доставляют предметы потребления для рабочего класса, достигается прогресс техники благодаря введению сберегающих труд машин, то стоимость, а вместе с тем и цена этих товаров падает. Поэтому денежная заработная плата может падать, меж тем как ее покупательная сила остается неизменной; другими словами, рабочему требуется для производства необходимых ему товаров меньше времени, чем до сих пор. Если прогресс техники распространяется также на производство золота, так что в течение часа добывается больше золота, чем прежде, то товарные цены и выраженная в золоте заработная плата не будет падать. Но выручка за остающийся неизменный рабочий день, представленная в золоте, увеличится, меж тем как рабочий не получит большей заработной платы, выраженной в золоте. Следовательно, и тогда падает его доля в продукте собственного труда. Часть рабочего дня, которая нужна рабочему для производства стоимости своей заработной платы, уменьшается; и вместе с тем возрастает прибавочная стоимость без удлинения рабочего времени, как абсолютно, так и относительно, как сумма ее, так и ее отношение к заработной плате. Эксплоатация возросла, а реальная заработная плата не понизилась. Наоборот, возможно, что падение заработной платы, выраженной в золоте, не вполне соответствовало падению стоимостей и цен, и что таким образом наступило одновременно повышение прибавочной стоимости и реальной заработной платы.

Вернемся к нашему объяснению на рисунке, для большей ясности. Опять предположим, что рабочий день длится восемь часов, и что заработная плата пока равна прибавочной стоимости.



Зараб. плата. Приб. стоим.

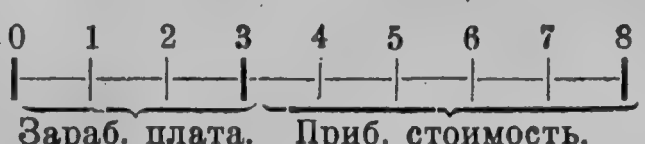
Если цены необходимых для рабочего товаров и соответственно этому, при неизменной стоимости денег, и денежная заработная плата падают на половину—реальная заработная плата остается, следовательно, неизменной,—то *C* переносится из точки 4 в точку 2:



Если одновременно уменьшилась на половину и стоимость золота, то денежная заработная плата остается неизменной и соответствует лишь двум рабочим часам; но продукт восьми рабочих часов, который теперь вдвое больше, дает вдвое больше денег, чем прежде.

В то время как в первом примере *AC* равнялось *CB*, теперь *AC* равно 2, *CB* равно 6, то-есть норма прибавочной стоимости возрасла со 100 процентов (1:1) до 300 процентов (6:2=3:1).

Но если, несмотря на падение цен на половину, денежная заработная плата сокращается лишь на одну четверть, реальная заработная плата, следовательно, увеличивается на 50 процентов, рисунок изменяется таким образом:



В то время как соответственно падению цен *C* должно было бы находиться в точке 2, оно теперь лежит в точке 3, так что реальная заработная плата возросла в $1^1/_2$ раза, несмотря на это *CB* также увеличилась (с 4 до 5 делений), и отношение *CB* к *AC* растет от 1:1 до 5:3; норма прибавочной стоимости, следовательно, увеличилась со 100 процентов до $166^2/_3$ процентов. Реальная заработная плата и эксплоатация могут, следовательно, возрастать одновременно.

Это при господстве капиталистической системы является для обеих сторон самым выгодным положе-

нием, но противоречия самого капитализма мешают его свободному развитию. Укажем лишь на одну из действующих при этом причин, которая вытекает из содержания этой главы. Мы видели раньше, что капитализм создает тенденцию к устранению конкуренции и вызывает попытки повысить цены, а с ними и прибыли с помощью пошлин и картелей.

Эта тенденция стоит в ясном противоречии с только что развитым положением, что развитие техники может само создать средство, задерживающее падение нормы прибыли. Обе эти тенденции могут, конечно, существовать рядом; во всяком случае, действуя одновременно, они должны если не парализовать, то все же сильно ослабить друг друга. Пошлины и картели задерживают развитие техники и таким образом уменьшают возможность повышения эксплоатации путем понижения издержек на содержание пролетариата; если несмотря на это в течение последних десятилетий, предшествовавших войне, политика картелей и высоких таможенных пошлин шла рука об руку с промышленным расцветом и необыкновенным повышением производительности труда, то это является доказательством того, что должна была существовать еще третья тенденция, которая оказалась сильнее других, которая накладывала на них свою печать и совершенно изменила их характер. Такой силой была внешняя торговля.

d) Внешняя торговля.

Внешняя торговля имеет для капитализма двойное значение. Она дает ему возможность найти новые рынки для сбыта товаров, таким образом сильно способствует развитию производства и технических усовершенствований. Но в то время как такое увеличение постоянного капитала при нормальных отношениях должно было иметь своим последствием падение нормы прибыли,—это расширение производства и сбыта происходит при условиях, которые, наоборот, заключают в себе тенденцию к повышению нормы прибыли.

Благодаря внешней торговле капиталистическое общество завязывает сношения с странами, в которых сохранились докапиталистическая культура и хозяйство. Такие народы не могут противостоять капитализму с его техникой, который никого и ничего не щадит. В этих странах ему не мешает никакой контроль; ему нечего бояться общественного мнения, как на родине, если он, не зная пощады, высасывает соки из женщин и детей и губит их; и поэтому он может применять все способы, какие только открыл изобретательный человеческий ум, чтобы эксплоатировать ближних, не заботясь об их жизни и здоровьи.

История колоний со времени возникновения капитализма доказывает справедливость положения Маркса, что капитал повсюду появляется в мире, обагренный кровью и покрытый грязью, — безразлично, остановимся ли мы на экспедиции Кортеса и Писарро в Мексике и Перу в XVI веке; на позорном правлении какого-либо Уоррен Хэстингса в Индии в XVIII столетии; на позорных действиях бельгийского правительства в государстве Конго; или на войнах с племенем гереро злосчастной памяти германского императорского правительства неполных два десятилетия тому назад; сотни негров с женщинами и детьми загнали тогда в безводную пустыню, где они должны были расплачиваться за свое стремление к независимости, в невыносимых страданиях умирая от жажды.

Эксплоатация колониальных народов проходит через все стадии, начиная с открытого грабежа и откровенного хищения и кончая рафинированной эксплоатацией беззащитных туземцев новейшими машинами. В том и другом случае средняя норма прибыли в капиталистических странах повышается.

Интереснее всего и важнее всего для настоящего времени метод империализма. Это понятие, имеющее всемирно-историческое значение, уже задолго до войны стало лозунгом, который в конце-концов лишен был своего действительного содержания; он служил лишь выражением стремления к политическому и экономическому захвату, без более точного опреде-

ления его значения. Поддерживается это злоупотребление словом—к сожалению именно в кругах социал-демократии, стоящих на точке зрения интернационализма—тем, что под империализмом понимали во Франции завоевательную политику Наполеоновской империи и в Англии господствовавшее там стремление к более тесному сплочению всего британского мирового государства одной общей таможенной стеной. Если мы вообще хотим связать более точное представление с понятием „империализм", то мы должны дать возможно более точное определение этого понятия.

Лучше всего нам удастся это сделать, если мы попробуем развить его из политических и экономических отношений, существовавших до войны. Они характеризуются стремлением большинства капиталистических государств—из крупных государств исключение составляла только Англия—путем пошлин устранить на внутреннем рынке чужую конкуренцию: одновременно с системой охранительных пошлин происходил расцвет картелей и трестов, которые должны были усилить монопольное положение по отношению к чужой промышленности в ущерб туземному потребителю. Но охранительные пошлины и картели вызвали повышение цен и вместе с тем сокращение сбыта внутри страны, что делало невозможным возрастание суммы прибыли. Повышение нормы прибыли за счет реальной заработной платы невозможно было вследствие сильно развитого профессионального движения и политической силы социалистических партий; не могло помочь также средство, состоящее в том, чтобы путем понижения цен уменьшить денежную заработную плату и таким образом повысить эксплоатацию, так как эта тенденция совершенно противоречила всей системе. Первое десятилетие этого века дало постоянно повышающуюся кривую цен во всех странах, что, несомненно, объясняется, между прочим, политикой картелей и пошлин, хотя это и не являлось единственной причиной.

Так современная торговая экономическая политика должна была бы привести к задержке экономического развития, если бы не было спасения в той части ми-

рового рынка, которая не закрыта была таможенными границами. Здесь началась сильнейшая конкуренция всех могущественных промышленных государств, которая вызывала постоянное понижение цен. Германская тяжелая индустрия экспортировала, например, полуфабрикаты дешевле, чем она продавала их внутри страны. Сбыт на мировом рынке служил для того, чтобы создать возможность производства на высшей ступени и с самыми низкими издержками производства; достаточно было, когда заграничные цены покрывали издержки производства. Ибо прибыль должна была уплачиваться на родине в виде очень взвинченных цен; сокращение потребления на внутреннем рынке едва ли имело значение при таких условиях.

Конечно, замечательнейшие последствия этой политики не заставили себя долго ждать. Английская машиностроительная промышленность выгадывала естественно от низкой цены германских полуфабрикатов, которая и английскую тяжелую индустрию заставляла понижать цены; таким образом, она имела большие преимущества в конкуренции с немецкой машиностроительной промышленностью, которая должна была платить за полуфабрикаты значительно дороже. (Это, между прочим, служило также причиной соединения производств, которые относились друг к другу, как продавец и покупатель; например, прокатный завод объединялся, с одной стороны, с угольными копями, рудниками и доменным производством, с другой стороны, с машиностроительными и другими заводами. Таким образом заводы, занимающиеся дальнейшей обработкой, сберегали те суммы, которые они иначе должны были бы затратить на пошлины или надбавки к ценам, соответствующие пошлинам). Что мило индустрии, то и сельскому хозяйству дорого. В Англии было величайшее в мире потребление сахара и блестящее мармеладное производство; но она не имела собственного производства сахара; она дешево получала большую часть сахара из Австрии и Германии, где сахарные бароны искусственно повышали цену для родины в ущерб потреблению и в ущерб отраслям

промышленности, занимающейся дальнейшей обработкой.

С помощью этой политики избежали затруднений в производстве, которые иначе обнаружились бы, как следствие политики охранительных пошлин и картелей; а повышение нормы прибыли достигнуто было другими способами. Мы уже видели раньше, что всякая тенденция в капитализме создает свою противоположность; это имело место также при обостренной конкуренции всех капиталистических наций на мировом рынке. Почти все страны, именно те, в которых картели и охранительные пошлины достигли значительного развития—прежде всего, следовательно, Германия—старались монополизировать для себя части мирового рынка, как место сбыта своих готовых фабричных изделий, и как источники приобретения дешевого сырого материяла. Этим целям соответствовали естественно лишь страны с неразвитой индустрией, так что эта политика могла вестись лишь как колониальная политика.

Конечно, как колониальная политика совершенно своеобразного характера, которая может быть понята лишь в связи с картелями и пошлинами на родине. Как индустрия хотела создать себе монопольное положение внутри своего собственного государства, точно также пыталась она этого добиться в колониальной стране. Она требовала концессий для сооружения гаваней и железных дорог, чтобы получить возможность сбыта своих продуктов; она захватила также рудники и нефтяные источники, для эксплоатации которых она пользовалась дешевым трудом туземцев.

Государства, которые до сих пор являлись единственными собственниками своих девственных богатств, были совершенно порабощены; они перестали вести самостоятельную жизнь и, как колонии в собственном смысле этого слова, присоединены к победоносному государству; а если этому мешало сопротивление жителей или конкуренция других государств, то они вынуждены были, несмотря на предоставленную им формально политическую самостоятельность, принять

поставленные им условия. В награду они получали большей частью ссуды, которые еще в большей мере ставили их в зависимость от власти хищного европейского капитала. Таким образом Марокко, например, подпало под влияние Франции, Турция—под власть Германии и Южная Персия—под власть Англии.

Эту политику капиталистического завоевания неразвитых стран называют империализмом. Нет необходимости долго останавливаться на том, какими средствами пользовался капитал, чтобы выжать из своих предприятий возможно больше прибыли. По внешности облеченный суверенитетом, князь такого государства, по уши погрязший в долгах, когда судьба его придворного штата, чиновничества и войска зависела от милости чужой власти,—большей частью вынужден бывает использовать свой авторитет в интересах пришельцев, и ему приходится побуждать своих подданных к интенсивному труду и аккуратной уплате налогов; если он пытается восстать против чужого влияния, то он должен расплачиваться за эту смелость скорее всего лишением сана и изгнанием, если не головой.

Прибыль этих предприятий таким образом гарантирована эксплоатацией миллионов туземцев, из которых выжимается последний грош, и которые доставляли важнейшие сырые материалы, работая в нечеловеческих условиях и за голодную плату.

Таким образом капитал получает благодаря империализму прибыли, которые превосходят обычную норму в старых промышленных странах. Конечно, он может добиться этой цели только при напряжении всех сил. Отдельному промышленнику лишь в исключительных случаях удастся обеспечить себе решающее влияние в чужом государстве; но банки, которые работают вместе с большими промышленными группами, особенно с тяжелой индустрией, и весь наличный капитал направляют в свои кассы, в состоянии создать себе превосходное экономическое положение. Если им тогда еще удастся обеспечить себе поддержку со стороны государственной власти на родине, то есте-

ственно слабое государство уж не может им оказывать сопротивление.

Банки, тяжелая индустрия и государственная власть представляют святую троицу; все они вместе ведут империалистическую политику. Благодаря этому между ними все более и более устанавливается взаимная зависимость, и в своей политике они всегда принимают во внимание потребности друг друга. Однако, не только выгоды, но и опасности империалистической политики служили причиной тому, что их союз становился все более и более тесным.

Эти опасности ясно видны с самого начала. Каждая попытка одного государства устранить конкуренцию других государств вызывает реакцию. Как одни охранительные пошлины вызывают другие охранительные пошлины, так всякий успех империалистической политики одного государства вызывает самое необузданное соревнование другого государства. Каждый хочет исключить другого из своей области и старается проникнуть в чужую область; так как при всех трениях и конфликтах, которые отсюда возникали, энергично выступали правительства капиталистических государств, то в конце-концов это приводило к тому, что все более и более обострялись отношения между ними.

Угроза, с одной стороны, постоянно вызывала угрозу с другой стороны; началось лихорадочное вооружение; и заинтересованная в военных заказах тяжелая индустрия раздувала огонь; таким образом, создалась постепенно та злосчастная атмосфера взаимного недоверия, нервозности и готовности к войне, которая так сильно способствовала наступлению войны.

VI. Значение теории прибавочной стоимости для классовой борьбы.

Ни один европейский рабочий не забудет ужасных последствий войны. Теперь господствует в рядах Интернационала самое отрицательное отношение к войне; всем здесь ясно, что рабочий класс каждой страны, также и победоносной, может только пострадать от войны. Так ли обстояло дело и до войны?

Если мы вспомним хаос в рядах социалистических партий, отказ от интернациональной идеи среди больших масс, что делало невозможным дальнейшее функционирование Интернационала; если мы, наконец, вспомним, как охотно оказывалась поддержка воюющим правительствам почти во всех странах, — то мы должны определенно ответить на этот вопрос: „Нет!“

Этим отнюдь не высказывается фарисейское суждение относительно тех, которые старались спасти свою страну от поражения и добиться победы над противником. Речь шла в этой войне отнюдь не об империалистических только спорах, как утверждают люди, которые представляют себе и толкуют политические и экономические явления чисто схематически. Проблемы демократии, национальный вопрос, милитаризм и абсолютизм,—все те вопросы, которыми в течение столетия занята европейская политика, и которые столь же долго ждут своего разрешения, играли здесь роль; и кто потом заинтересуется вопросом о результатах мировой войны, тот прежде всего остановится на распадении Австро-Венгрии и устранении Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых.

Все же не подлежит никакому сомнению, что до войны у рабочих масс отсутствовало необходимое понимание проблем внешней политики и мотивов капиталистических правительств, их политики вооружений и колониальной политики. Пролетариат был занят борьбой за насущный хлеб, за поддержание своего уровня жизни против пошлин и косвенных налогов; борьбой за продолжение социальной политики, за право союзов, собраний и избирательное право. В этой повседневной мелкой борьбе он узнал, что капитализм является его неумолимым врагом; национальная вражда, но еще больше внешняя политика с ее усилением всех шовинистических инстинктов скрывала от него классовое противоречие, действующее и в этих областях политики.

Война и революция здесь многое улучшили; жестокая необходимость заставила пролетариат заняться тайнами внешней политики; жажда прибыли, свойственная капитализму, лишь слишком ясно видна в Версальских и С.-Жерменских мирных договорах, в требованиях репарационной комиссии и Лиги Наций.

Все же необходимая ясность еще не достигла достаточно широкого распространения. Взгляды об ошибочности теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса, которые мы критиковали в первых главах, высказаны отчасти в органе немецких профессиональных союзов, в статьях, которые всецело стали на почву самой плоской профессорской мудрости. Ясно, что необходимым следствием этих выражений является отказ от того взгляда, что прибыль капитализма имеет своим источником эксплоатацию пролетариата. Такими теориями устраняется мысль о классовой борьбе и вместе с тем основа всякой самостоятельной профессиональной политики. Концом песенки служат пресловутые объединения между профессиональными и предпринимательскими союзами, объединение предпринимателей и рабочих против потребителя, что так повредило немецкому движению.

Как только мы признаем эксплоатацию рабочего лишь наростом капиталистической системы, который можно

было бы устранить тарифными или коллективными договорами, государственным регулированием цен и производства или подобными жалкими средствами,—мы признаем возможность реформирования капитализма. Этим самым мы отказываемся от мысли о классовой борьбе, от мысли, которая является движущей силой современного социализма, и которая требует полного устранения капиталистической системы, не ее реформирования. Социалистическое общество будет завоевано в борьбе против капитализма, или оно совсем не будет завоевано.

Самым великим делом Маркса является то, что он вызвал в пролетариате не только идею, не только чувство необходимости классовой борьбы, а что он одновременно дал ему научное обоснование этого. Теория прибавочной стоимости, учение о противоположности интересов рабочего и предпринимателя, является основой мысли о классовой борьбе; если мы от нее откажемся, то падает также современный социализм. Но тогда отпадает также для рабочего класса необходимость создавать себе средства борьбы. Партия, профессиональные союзы, кооперации, все культурные учреждения пролетариата,—все это оказалось бы излишним, или должно было бы по крайней мере быть совершенно преобразовано; ибо цель состояла бы уже не в социализме, не в устранении капитализма, а лишь в его реформировании.

Конечно, нельзя впадать в противоположную ошибку и рассматривать каждую проблему практической политики только с точки зрения непримиримой вражды между буржуазией и пролетариатом. Уже изложение законов, управляющих возрастанием и падением нормы прибыли, показало нам, как необыкновенно сложны проблемы капиталистического общества; в следующих главах мы еще больше будем поражены сложностью экономического процесса. Практическая политика отнюдь не должна забывать этих трудностей; некоторые меры, которые при поверхностном рассмотрении кажутся радикальными, полезными для рабочего класса,

стоят в противоречии с экономическими тенденциями, с интересами производства.

Этого нельзя упускать из виду при политических решениях: Если нарушается производство, то от этого отнюдь не всегда страдает капитализм, но всегда страдает от этого потребление. Если мы хотим устранить капиталистический способ производства, то мы хотим устранить господство капитализма над производством, господство машин над людьми, но не самое производство и машину.

Самое тяжелое обвинение, которое мы выставляем против капитализма, это то, что он не может регулировать производство; что он, правда, умел развить технические силы, но употребил их для увеличения не счастья и богатства, а лишь нужды и нищеты, болезни и эксплоатации. Беспомощно стоит капитализм перед теми силами, которые он вызвал; он повышает производство до последней степени, не заботясь о соответствующем повышении потребления. Задержка сбыта, кризисы, безработица—вот те явления, которые мы считаем преступлениями капитализма. Если мы не хотим причинить такое же зло своими мерами, мы должны заняться вопросами о нарушениях производства, о кризисах. Тогда лишь мы можем высказать суждение о необходимости и возможности практической политики.

VII. Общественное производство.

Но прежде, чем мы перейдем к вопросу о кризисах, мы должны постараться нарисовать себе теоретически картину всего общественного производства.

В одной из предыдущих глав было объяснено, что стоимость и вместе с этим в конечном счете и цена товаров зависит от общественно необходимого труда, которое затрачено на производство этих товаров. Количество труда при этом измерялось рабочим временем. То же самое, что относится к отдельному товару, можно естественно принять для суммы товаров, произведенных обществом. Попробуем выяснить себе это на примере, причем заметим с самого начала, что числа и их взаимные отношения взяты совершенно произвольно и конечно отнюдь не должны соответствовать действительности. Мы можем предположить, что число рабочих часов, затраченных в течение года, равняется 500.000. Из них, предположим, половина составляет рабочее время, необходимое для удовлетворения потребностей рабочего класса; другая половина составляет прибавочный труд, который создает прибавочную стоимость капиталиста. Но было бы ошибочно, если бы мы предположили, что стоимость всего созданного в течение этого года продукта общества равняется лишь 500.000 раб. час. Производство должно иметь в начале года определенные предпосылки, ибо из ничего человек, несмотря на свой труд, ничего не может произвести.

Должны, следовательно, существовать, во-первых, сырой материал и вспомогательные вещества и, во-

вторых, машины, орудия, здания и т. д. Их стоимость естественно также входит в стоимость годового продукта, как и стоимость, созданная вновь приложенным трудом. Стоимость окончательного продукта состоит таким образом из стоимости, созданной прошлым трудом, и стоимости, созданной вновь затраченным в этом году трудом. При этом стоимость, созданная прошлым трудом, переносится двумя способами: стоимость, например, сырого материала и вспомогательных веществ, как хлопчатой бумаги, масла и угля на прядильной фабрике, входит в стоимость всего продукта всей своей величиной, так как все эти вещи совершенно меняют свой вид. Хлопчатая бумага существует в виде пряжи, масло израсходовано при движении машин, и уголь превращается в теплоту. Иначе обстоит дело с орудиями, машинами и зданиями. Веретено сохраняет свой прежний вид. Оно только износилось в данном процессе труда, но оно еще годится для употребления. Его стоимость, следовательно, входит не целиком в стоимость окончательного продукта, а лишь той частью, которая изношена при его употреблении. То же самое относится к зданиям и орудиям. Впрочем, это различие известно всякому капиталисту. В то время как в цене своих товаров он считает сырой материал целиком, он относит к издержкам лишь часть стоимости машин и построек, то-есть их изнашивание.

Мы должны, следовательно, внести в наш расчет средства производства, которые имеются в начале года и затрачиваются в течение года; именно ту стоимость, которую они прибавляют к окончательному продукту. Мы можем предположить, что вся стоимость этих средств производства тоже составляет 500.000 рабочих часов; таким образом стоимость всего продукта составляет 1.000.000.

Для дальнейшего процесса производства имеет решающее значение, происходит ли производство в следующем году в тех же размерах, или же оно стремится расшириться. Рассмотрим сначала первый случай. Мы находим тогда, что производство в течение этого года должно быть так налажено, что в конце

рабочего года получается не только та же стоимость, но и тот же вид товаров, как в начале года. Недостаточно, следовательно, в течение этого года произвести столько хлеба, мяса, одежды, обуви и домов, сколько потребляют в течение года рабочий класс и класс капиталистов; должно быть создано столько же машин и доставлено столько же угля, должно быть получено столько же керосина и бензина, производство хлопчатой бумаги и дерева должно стоять на той же высоте, как и в прошлом году.

Мы здесь видим, что для общественного производства имеют значение не только отношения стоимости, но также и вещественные и технические условия производства. Если мы внимательно рассмотрим эту сторону процесса производства, то увидим, что вся сумма продуктов может быть разделена на две большие группы: на предметы потребления и средства производства. В нашем примере количество труда, которое должно быть затрачено на производство предметов потребления, как раз равняется тому количеству, которое необходимо для создания средств производства. Так как прибавочная стоимость и заработная плата в нашем примере целиком потребляются, то стоимость этих товаров должна выразиться в предметах потребления. Если мы еще дальше разложим числа в нашем примере, то приходим к результату, что 500.000 рабочих часов выражаются в предметах потребления и другие 500.000 в средствах производства. Но для производства предметов потребления, а также и средств производства необходимо, чтобы работа производилась с помощью средств производства. То-есть, следовательно, для производства, например, хлеба требуется не только труд пекаря, но и затрата угля, муки, соли и т. д. и печь. С другой стороны, при создании машины употребляется не только железо и уголь, но и человеческая рабочая сила, для поддержания которой необходимы самые разнообразные предметы потребления.

Мы приходим, следовательно, к тому результату, что для производства в каждом из этих двух классов товаров необходимы средства производства и труд, и

что их стоимость так же, конечно, может быть разделена, как и стоимость всего продукта, на стоимость средств производства, рабочей силы и прибавочную стоимость. Для простоты предположим, что в каждой отрасли производства отношение между числом рабочих и стоимостью средств производства одинаково. В действительности это отношение в различных отраслях бывает очень различно. Но это слишком уж осложнило бы изложение. Получаем, таким образом, следующий числовой пример, причем для простоты обозначим класс средств производства—I и класс предметов потребления—II:

$$\text{I } 500.000 = \begin{cases} 250.000 \text{ средства производства} \\ + 125.000 \text{ заработная плата} \\ + 125.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

$$\text{II } 500.000 = \begin{cases} 250.000 \text{ средства производства} \\ + 125.000 \text{ заработная плата} \\ + 125.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

В этих равенствах важнее всего следующий вывод: для получения средств производства необходимы, как мы видим, предметы потребления для содержания рабочих и капиталистов в течение года. Но когда производство закончено, стоимость этих жизненных средств перешла на готовый продукт, получив, однако, другую форму. В то время как к началу года в этом классе процесса производства средства производства и предметы потребления существовали рядом, здесь имеется лишь больше средств производства. С предметами потребления естественно произошло противоположное явление. В то время как здесь к началу года средства производства и предметы потребления также существовали отдельно, теперь имеется лишь еще готовый продукт в виде разнообразнейших предметов потребления.

Для беспрепятственного продолжения производства необходимо, чтобы продукты были перенесены, именно предметы потребления, из группы II в группу I, чтобы доставить тем рабочим и капиталистам требуемые жизненные средства, и средства производства из

группы I в группу II, чтобы сделать возможным производство предметов потребления. Для этого необходимы две предпосылки: во-первых, стоимость обмениваемых продуктов должна быть одинакова, то-есть, следовательно, стоимость средств производства, потребленных группой II, не может быть больше или меньше стоимости жизненных средств, потребленных группой I. Если мы рассмотрим числа в нашем примере, то увидим, что эта предпосылка там осуществлена; средства производства группы II имеют точно такую же стоимость в 250.000 рабочих часов, как и приходящиеся на заработную плату и прибавочную стоимость 2×125.000 группы I.

Но, во-вторых, форма созданных в обеих группах товаров должна технически соответствовать целям общественного производства. Следовательно, в группе II за 125.000 рабочих часов должны быть произведены предметы потребления, которые соответствуют потребностям рабочего класса, и за следующие 125.000 рабочих часов должны быть произведены товары, которые могут удовлетворить вкусам класса капиталистов. Точно также и средства производства, которые производятся группой I для группы II, должны получить соответствующую форму, то-есть стоимость этих продуктов должна быть представлена в веретенах и ткацких станках, в плугах и хлебопекарных печах, в сапожных машинах и т. д.

То, что так трудно понять теоретически, оказывается гораздо проще, если мы постараемся выяснить весь этот вопрос практически. Тогда уж для нас не является проблемой то, что тяжелая индустрия, машиностроительные заводы и т. д. могут работать далее лишь тогда, когда сельское хозяйство и промышленность, производящие жизненные средства и предметы роскоши, текстильная промышленность и т. д., дают их рабочим и капиталистам требуемые жизненные средства; и еще меньше является проблемой то, что крестьяне, пекаря, мясники и др. доставляют свои продукты лишь по их стоимости, то-есть не слишком дешево. С другой стороны, ясно, производители жизненных средств, те-

кстильных изделий, сапог и т. д. не только хотят выдат из выручки за свои товары заработную плату и получить свою прибавочную стоимость, но должны еще держать в порядке свои машины, свои орудия, здания и т. д. Это и только это представляет результат нашего теоретического исследования. Кто это понял, тот, конечно, еще легче может понять, что средства производства, употребляемые группой I, обмениваются между членами этой группы, а предметы потребления, удовлетворяющие потребностям класса II, обмениваются внутри этого класса.

В капиталистическом обществе, однако, сохранение тех же размеров производства является лишь исключением. Мы, наоборот, видим, как все постоянно изменяется, и как в нормальное время производство из года в год растет. Проследим же этот рост производства, опираясь на развитую нами теорию. Это интересная, но отнюдь не простая задача.

Возьмем приведенный выше пример и посмотрим, как можно расширить производство в группе I. Такое расширение может, конечно, последовать лишь тогда, когда капиталисты отказываются потребить всю свою прибавочную стоимость и затрачивают ее, или по крайней мере часть ее, производительно, то-есть увеличивают свое производство. Другого источника для расширения производства не существует, так как рабочий класс обычно не в состоянии накоплять капитал из своей заработной платы.

Мы видели, что в группе I вся прибавочная стоимость составляла 125.000. Если капиталист хочет расширить свое производство, то ему нужны для этого средства производства и капитал для выдачи заработной платы. Обе эти величины стоят в определенном отношении друг к другу. В нашем примере мы видим, что затраты на средства производства относятся к затратам на заработную плату, как 2 : 1. Пока технические отношения остаются те же, и это числовое отношение не может, конечно, измениться. Если, следовательно, класс капиталистов хочет приобрести новые средства производства на 20.000, то он должен затра-

тить также 10.000 на заработную плату. Это вызывает полное изменение отношений в производстве. Класс I должен, чтобы получить возможность расширить свое производство доставить средства производства на 20.000, которые опять могут найти применение в группе I, вместо того, чтобы эти 20.000 рабочих часов были употреблены, как до сих пор, для получения средств производства для группы II. Далее и в группе II происходит коренное изменение.

Мы видели выше, что сумма стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости в группе I должна равняться стоимости средств производства группы II. Это отношение естественно не устраняется изменениями в группе I. Теперь мы видим, что в группе I сумма потребленных жизненных средств падает на 20.000, так как на эту сумму уж не обмениваются предметы потребления, а должны быть созданы средства производства для группы I. Потом получается дальнейшее изменение, так как те 10.000, которые до сих пор расходовались классом капиталистов в виде прибавочной стоимости, теперь должны быть выданы рабочему классу группы I в виде заработной платы. Следствием этого является известное изменение в форме производимых предметов потребления, так как потребление рабочих имеет другие формы, чем потребление класса капиталистов.

Как же возможно это изменение в группе II? Чтобы представить себе это практически, приведем пример. Возьмем страну, хозяйство которой стоит на сравнительно низкой ступени. Производство этой страны не имеет тенденции расширяться, так как предприниматели еще недостаточно проникнуты капиталистическим духом, чтобы думать больше, чем о приятном потреблении своей прибавочной стоимости. Такова картина, которую нам дает наш числовой пример в своей первоначальной форме. Теперь положение меняется. Пока мы оставляем в стороне тот факт, что техника меняется, и предполагаем только, что у какого-либо предприимчивого капиталиста зародилась мысль не затрачивать больше, не проматывать всего того, что он получает, а расширить таким образом полученное им от отца

производство. Следствием этого является то, что те промыслы, которые производили предметы роскоши для капиталистов группы I, начинают страдать от сокращения сбыта. Известную компенсацию они найдут в том, что в производстве группы I занято больше рабочих и поэтому спрос на предметы потребления для рабочего класса возрастет. Но сокращение сбыта должно быть, как мы показали на числах, больше, чем это возможно компенсировать. С другой стороны, в группе I получится, конечно, бо́льший спрос на средства производства, которые служат для расширения производства. Возросший спрос всегда имеет тенденцию повышать цены, а повышение цен влечет за собой расширение данной отрасли промышленности, так как оно сопровождается чрезмерным возрастанием прибавочной стоимости и прибыли. Получится, следовательно, тот результат, что в группе II производство сократится, меж тем как в группе I оно старается расшириться. Совершенно ясно, что картина, которую мы таким образом получаем, есть картина кризиса в группе II. Мы видим также причину, вызвавшую этот кризис: неудовлетворительное функционирование общественного производства вследствие неправильного распределения капитала.

Чтобы получить по крайней мере приблизительную картину дальнейшего развития, мы можем развить еще немного числовой пример. Вследствие быстрого падения цен и задержки сбыта товаров следствием кризиса является уничтожение стоимости; оно естественно прежде всего касается отраслей промышленности, в которых в сравнении с возможностью сбыта произведено слишком много. Благодаря этому уничожению стоимости насильственно восстанавливается равновесие. Предположим, что это случилось в нашем примере; мы можем это представить в виде равенств. В начале процесса производства распределение между различными факторами происходит следующим образом:

$$\text{I } 500.000 = \begin{cases} 270.000 \text{ средства производства.} \\ + 135.000 \text{ заработная плата.} \\ + \ 95.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

$$\text{II } 460.000 = \begin{cases} 230.000 \text{ средства производства.} \\ + 115.000 \text{ заработная плата.} \\ + 115.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

Мы видим, следовательно, что в группе I часть прибавочной стоимости, которая должна быть потреблена, уменьшилась на 30.000, а сумма средств производства возрасла на 20.000 и сумма заработной платы тоже увеличилась на 10.000. Поэтому группа II может дать в обмен на 230.000 средств производства группе I; соответственно этому производство, а вместе с тем и возможность получения работы в группе II сокращается; таким образом вложенный в средства производства капитал и сумма заработной платы, а также и прибавочная стоимость здесь уменьшаются.

Таким распределением общественного капитала начинается рабочий год. Если мы возьмем те же условия, какие мы предположили при прежних равенствах, именно, что сумма прибавочной стоимости, произведенная рабочим классом, равна сумме заработной платы, то мы получаем по прошествии года следующую картину:

$$\text{I } 540.000 = \begin{cases} 270.000 \text{ средства производства.} \\ + 135.000 \text{ заработная плата.} \\ + 135.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

$$\text{II } 460.000 = \begin{cases} 230.000 \text{ средства производства.} \\ + 115.000 \text{ заработная плата.} \\ + 115.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

Оказывается, следовательно, что сумма прибавочной стоимости в I, в сравнении с нашим первоначальным равенством, возрасла на 10.000. „Воздержание“ капиталистов этой группы дало им прекрасную прибыль. Такой результат побудил их приняться за эту операцию и в следующем году. Они, следовательно, снова затратят 30.000 на расширение дела, так что равенство для группы I получит такой вид:

$$\text{I } 540.000 = \begin{cases} 290.000 \text{ средства производства.} \\ + 145.000 \text{ заработная плата.} \\ + 105.000 \text{ прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

Но это изменение служит причиной дальнейшего изменения группы II. Мы видели, что заработная плата

плюс прибавочная стоимость группы I должны равняться стоимости средств производства в группе II. Так как первая сумма равна 250.000, но вторая составляет лишь 230.000, то и внутри группы II должно произойти передвижение, чтобы производство продолжалось без трения. Мы должны, следовательно, посмотреть в группе II, откуда мы можем взять необходимые для увеличения ее средств производства 20.000. При этих поисках мы наталкиваемся на прибавочную стоимость в группе II, как единственный возможный источник этого увеличения. Но тем, что от 115.000 прибавочной стоимости мы прибавляем 20.000 к 230.000 средств производства, дело еще не улажено. Ибо эти добавочные 20.000 средств производства мы могли бы привести в движение, если бы и число рабочих было увеличено, то-есть при возрастании капитала, затраченного на заработную плату. Так как вследствие развития техники мы должны принять отношение 2:1 для постоянного и переменного капитала, то возникает необходимость прибавить и к сумме заработной платы 10.000, которые также нужно взять от прибавочной стоимости группы II. Все равенство получает таким образом следующий вид:

$$\text{I } 540.000 = \begin{cases} 290\,000 & \text{средства производства.} \\ +\,145.000 & \text{заработная плата.} \\ +\,105.000 & \text{прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

$$\text{II } 460.000 = \begin{cases} 250.000 & \text{средства производства.} \\ +\,125.000 & \text{заработная плата.} \\ +\,85.000 & \text{прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

Таким распределением общественного капитала начинается общественное производство в новом году, которое при том же предположении, что сумма заработной платы равна созданной прибавочной стоимости, дает следующий результат в конце года:

$$\text{I } 580.000 = \begin{cases} 290.000 & \text{средства производства.} \\ +\,145.000 & \text{заработная плата.} \\ +\,145.000 & \text{прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

$$\text{II } 500.000 = \begin{cases} 250.000 & \text{средства производства.} \\ +\,125.000 & \text{заработная плата.} \\ +\,125.000 & \text{прибавочная стоимость.} \end{cases}$$

Отсюда мы видим, что в результате этого процесса производство в группе II, несмотря на кризис, снова достигло первоначальных размеров. Причину этого нужно искать в том факте, что расширение производства в группе I имело своим необходимым последствием расширение производства в группе II. Мы могли бы, конечно, развить это подробнее на дальнейших примерах; но вероятно достаточно будет и прежних примеров, так что теперь каждый, кто этим достаточно интересуется, может сам вычислить результат следующих лет.

Важно понимание, что этими примерами вполне доказано, что существует тесная связь между размерами производства в отдельных странах, и что всякое изменение размеров в одной отрасли производства, которое не сопровождается соответствующим изменением в другой отрасли, должно привести при капитализме к необходимому кризису.

VIII. Кризисы.

Используем теперь наши теоретические знания для того, чтобы сделать из них практические выводы. Лучшим поводом для этого служат те явления, которые теперь господствуют на мировом рынке.

Мировое хозяйство переживает в течение продолжительного времени кризис, достигший таких размеров и такой силы, какого капитализм никогда еще не знал. В большинстве стран, имеющих определяющее значение для мирового рынка,—например, в Соединенных Штатах, Англии и Японии—склады переполнены, а товары не находят покупателей. Производство, а также торговля и сношения в высшей степени сокращены. Необыкновенное падение цен в некоторых из этих стран последовало за страшным вздорожанием в годы войны и первые, следовавшие за войной, годы; некоторые цены уже стоят там отчасти на такой же высоте. как и в мирное время, или даже спустились еще ниже, Следствием сокращения производства является естественно сильная безработица. Число безработных достигает в Англии около $1^1/_2$ миллионов, куда присоединяются еще сотни тысяч рабочих, занятых неполный день; данные Америки колеблются между двумя и тремя миллионами. Но и в других странах она отнюдь не меньше; так, например, в Швейцарии насчитывается около 100.000 совершенно безработных [1]).

[1]) Это написано осенью 1922 года. С тех пор в Соединенных Штатах произошло значительное изменение конъюнктуры к лучшему. Также в Англии и других странах заметно некоторое улучшение; но нельзя определить, имеется ли здесь лишь временное облегчение или действительное выздоровление.

На-ряду с этим тяжелым кризисом имеется, повидимому лишь, высокая конъюнктура в некоторых странах с падающей валютой, главным образом в Германии. Это хорошее положение дел нетрудно объяснить тем, что вследствие постоянно падающей валюты цены внутри страны никогда не могут догнать цен мирового рынка; так что, несмотря на страшное вздорожание товаров, цены, и вследствие этого и заработная плата, в таких странах несравненно ниже цен и заработной платы на мировом рынке. Это создает для стран с падающей валютой преимущество в издержках производства, которое действует точно так же, как ввозные пошлины или вывозные премии. Но такое преимущество остается в силе лишь до тех пор, пока падает валюта, и исчезает, когда валюта становится устойчивой, хотя бы она и стояла на низком уровне. Цены и заработная плата соответствуют тогда ценам, существующим на мировом рынке, так что хозяйственные отношения подчиняются законам мирового рынка. Мы могли бы видеть это на примере Чехословакии, которая, не взирая на безусловно устойчивую валюту, дошла до экономического кризиса в тот момент, когда ее валюта была стабилизована. В течение последних месяцев мы должны были убедиться в правильности этого взгляда на себе лично, так как задержка падения кроны ограничила возможности сбыта для нашей индустрии.

Повидимому, следовательно, валютные отношения являются настоящей причиной кризиса на мировом рынке; страны со слабой валютой не могут уж покупать у стран с более устойчивой валютой, так что сбыт этих последних останавливается; меж тем как, с другой стороны, падение валюты суживает способность стран с высокой валютой конкурировать на мировом рынке. Но настоящие причины современного мирового кризиса нужно искать не в валютных отношениях; эти последние представляют не что иное, как явления и действия причины, которая лежит в глубине— именно в области производства. Мировой рынок представлял раньше единство с международным разделением труда. Несмотря на все таможен-

ные границы, несмотря на все попытки искусственно развивать одни отрасли промышленности или задерживать другие отрасли, все же, как оказалось, в сущности господствует закон, что производство может происходить лишь там, где оно с затратой минимальных средств достигает величайших успехов. Лишь немногие страны играли роль на мировом рынке, например, как крупные поставщики хлеба или как производители хлопчатой бумаги; промышленность также концентрировалась в некоторых странах, из которых каждая имела свою специальность. Так, например, английская хлопчатобумажная промышленность, и английское судоходство, германская электротехническая и химическая промышленность были специальностями этих стран, в сравнении с которыми другие не могли дать ничего равноценного.

Но это разделение труда естественно привело к тесному сплетению отдельных отраслей мирового хозяйства. Если мы несколько внимательнее рассмотрим условия производства, то нам тотчас же станет ясно, что существование каждой отрасли обусловлено существованием и функционированием других отраслей производства. Английская хлопчатобумажная промышленность нуждается не только в хлопчатой бумаге, не только в различных вспомогательных веществах, как уголь, смазочное масло и т. д., не только в текстильных машинах и фабриках; она нуждается также во всем том, что требуется рабочим для поддержания их уровня жизни—в одежде, пище, жилище и т. д. Мы видим из этого примера, что не только те отрасли, которые доставляют средства производства, то-есть машины, орудия, фабричные здания, сырой материал и т. д., в своих размерах зависят друг от друга, но что такое отношение зависимости существует также между производством средств производства и предметов потребления. Совершенно ясно, что при данном состоянии техники число рабочих, которые заняты в производстве, зависит от возможности их содержать, то-есть, следовательно, от размеров сельскохозяйственного производства, от текстильной промышленности,

от производства обуви и т. д., короче, от всех промыслов, от всех отраслей промышленности, которые безусловно необходимы для непосредственного удовлетворения человеческих потребностей. С другой стороны, размеры этого производства влияют на размеры остальных отраслей производства. Данное сельскохозяйственное производство обусловливает определенные размеры производства сельскохозяйственных машин и орудий; и точно также производство текстильных машин и т. д. зависит от размеров текстильной промышленности и соответствующих промыслов. Машиностроительная промышленность нуждается в производстве определенного количества железа, стали и других металлических товаров, а также угля и других вспомогательных материалов. Это в свою очередь обусловливает определенную высоту добычи руды и угля, то-есть определенное развитие горной промышленности.

Здесь везде существует взаимная зависимость, и ни один член в этой цепи не может быть поврежден, чтобы не остановился весь механизм.

Отсюда мы можем видеть, что даже при известном состоянии покоя в производстве трудно создать и сохранить состояние равновесия. Но особенно трудной становится эта задача тогда, когда это состояние равновесия уступает место передвижению, то-есть расширению или сокращению отдельных отраслей производства. И это собственно всегда имеет место в действительности. Непрерывные изменения теснейшим образом связаны с сущностью капиталистического общества. Каждый капиталист стремится повысить сбыт своих продуктов, чтобы добиться увеличения своей прибыли. Но и помимо этого стремления капиталиста к прибыли имеются объективные основания, которые заставляют расширять производство. Возрастание населения или повышение уровня жизни масс возможно лишь тогда, когда все производство общества возросло.

Как мы видели, расширение одной отрасли производства должно необходимо оказать обратное действие на другие отрасли. Если население увеличивается, или

его потребление возрастает по другим причинам, то сельское хозяйство, текстильная промышленность и т. д. должны увеличить размеры своего производства; требуется постройка новых домов и улиц и т. д. Это стремление к расширению потребления прежде всего приводит к тому, что цены на определенные предметы повышаются, так как спрос на них растет, меж тем как вначале еще нет соответствующего предложения. Это возрастание цен служит причиной того, что в отраслях промышленности, предметы которых усиленно требуются, прибыль превышает среднюю норму прибылей в других отраслях. Таким образом возникает соблазн расширить производство. Мы видим, что всегда высокая конъюнктура начинается с возрастания цен. От продуктов, которые дали толчок этому повышению цен, последнее естественно распространяется дальше, пока оно не становится всеобщим. Возвращаясь к прежнему примеру, мы можем предположить, что сначала будут расти цены на сельскохозяйственные продукты, как хлеб и мясо, потом на текстильные товары и обувь, квартирная плата и т. д. Следствием этого является то, что сельскохозяйственное производство и остальные отрасли промышленности будут расширены или там будут работать интенсивнее. Это требует создания новых машин, новых фабрик, новых жилищ и новых сырых материалов. Оживает, следовательно, машиностроительная индустрия, строительное дело; далее следует расширение добывающей промышленности и главным образом горного дела.

Но, так схематически, как мы здесь представили это, расширение отнюдь не совершается, конечно, на практике. Оно наталкивается на сильные социальные и технические препятствия. Когда цены на какой-либо предмет начинают возрастать, то в эту более выгодную отрасль производства устремляется не столько капитала, как это соответствовало бы потребности; при излишнем капитале и низкой норме прибыли существует тенденция вкладывать в такую отрасль производства гораздо больше капитала, чем это соответствует общественно-необходимой величине. Но большей частью

это имеет место, когда начинается высокая конъюнктура. Ниже мы еще увидим, как правильно повторяющийся кризис вследствие ограничения производства освобождает капитал, который ищет дела; капитал этот естественно при подъеме цен, как первом признаке возрождения дела, устремляется в те отрасли производства, в которых происходит сильнейшее возрастание цен. Таким образом при отсутствии планомерности в капиталистическом хозяйстве может оказаться, что в ту или другую отрасль промышленности вложено слишком много капитала, что тогда вызывает перепроизводство.

Наряду с этой причиной нарушения равновесия, которая вытекает из организации капиталистического общества, нужно принять во внимание еще другую, чисто техническую причину. Технические предпосылки расширения производства в различных отраслях далеко не одинаковы. В некоторых отраслях достаточно сравнительно небольшого накопления капитала для увеличения производства. В других отраслях промышленности, в горном деле для повышения производства требуются большие капиталы. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что время, которое необходимо для расширения производства, сильно колеблется в отдельных отраслях. Производство нового ткацкого станка или прядильной машины требует сравнительно мало денег и времени; это иногда возможно даже без расширения строений. Совершено иначе обстоит, конечно, дело с угольными копями, доменным производством или даже с постройкой железных дорог. Здесь необходимы затраты больших капиталов, и чтобы пустить в ход такое дело, требуются по крайней мере месяцы, иногда и годы. Но потом, когда все уже готово, необходимо непрерывное производство, чтобы работать экономно и доставлять прибыль. Доменная печь должна быть занята все 24 часа в день, так как перерыв привел бы к растрате материала, а иногда и к повреждению сооружения; работа на текстильной фабрике, наоборот, гораздо легче может приспособляться к потребностям. Если потребность возрастает очень

сильно, то можно поставить две, иногда даже три смены рабочих; если спрос падает, то часть ткацких станков может быть остановлена, работа может быть ограничена несколькими часами в день или несколькими днями в неделю, что для предпринимателя является самым выгодным.

Мы видим отсюда, как различны условия расширения в отдельных отраслях производства; в одних отраслях это может быть быстрее проведено и легче приспособлено к потребностям, в других производствах для этого требуется много времени. При этом нельзя забывать того, что здесь играют роль исторические основания, так как техника целых отраслей производства, как, например, сельского хозяйства, изменяется чрезвычайно медленно. Все это несомненно заставляет нас сделать тот вывод, что эти передвижения вследствие накопления и расширения тех или других отраслей должны нарушать равновесие во всем общественном производстве. При этом нужно еще принять во внимание тот факт, что, согласно нашим объяснениям, уже перепроизводство или недостаточное производство в одной отрасли может нарушить отношения в целом ряде других отраслей производства. Если оказывается, что производство предметов потребления слишком велико, то эти продукты или совсем не находят сбыта, или они продаются по очень пониженным ценам. Следствием этого является то, что производство в таких отраслях промышленности приостанавливается; тогда они не выступают так же, как покупатели товаров других отраслей. Когда, следовательно, текстильные изделия остаются непроданными, то ограничивается не только производство в текстильной промышленности, но тот же процесс—сначала сокращение сбыта, потом ограничение производства — происходит в хлопчатобумажной промышленности, в производстве текстильных машин, в меньшей степени также в горном деле и в других отраслях производства различных вспомогательных материалов.

Это теоретическое объяснение возникновения кризисов соответствует также наблюдаемым нами явле-

ниям. Но явления кризиса в производстве осложняются тем, что ему сопутствует финансовый или, скажем лучше, кредитный кризис. Современная организация капитализма основана в значительной степени на системе кредита, которая создает возможность производить обороты при минимальном обращении наличных денег, путем взаимного уравнения платежей. Таким образом получается, что собственно каждый капиталист является одновременно должником и кредитором. Пока господствуют нормальные отношения, и сбыт продуктов происходит беспрепятственно, эта система функционирует очень хорошо. Но с того момента, как в каком-нибудь месте настает задержка сбыта, капиталисты этой отрасли производства уж не в состоянии уплатить свои долги. Этим они вовлекают в беду и своих кредиторов, так как последние также не могут выполнить своих обязательств. Возникает таким образом всеобщая неуверенность, кредитные бумаги—прежде всего векселя—не признаются платежными средствами, и принимаются лишь наличные деньги. Последние, конечно, очень трудно раздобыть при таких условиях; процент на заемный капитал растет с невероятной быстротой. Таким образом дело доходит до всеобщего краха, который имеет своим последствием банкротство многочисленных фирм, не имеющих солидной базы. Подобно тому как в природе в борьбе за существование хищные животные и силы природы имеют своей задачей устранить более слабых и менее приспособленных животных и заботиться о выборе приспособленных к борьбе за существование, так действует и кризис в капиталистическом обществе. Несолидные или отсталые отрасли падают жертвой кризиса; остаются лишь предприятия с солидными капиталами, стоящие на высоте в техническом и организационном отношении. Кризис является, следовательно, доказательством того, что капиталистическое общество работает так же непланомерно и так же расточительно, как и природа.

За этим первым периодом краха и паники следует период покоя. Число банкротств уменьшается, но дела

все еще идут вяло. Склады переполнены, цены низки; несмотря на это, сбыт плохой, так как во всех отраслях промышленности господствуют одинаковые условия, и вследствие этого их взаимные отношения, как покупателя и поставщика, связаны. В то же время потребление рабочего класса крайне ограничено вследствие безработицы и понижения заработной платы. Лишь медленно меняется картина. Приостановка производства приводит к тому, что благодаря уничтожению капитала восстановляется необходимое равновесие. Таким образом, снова оживают взаимные отношения между отдельными отраслями промышленности, и все более и более растет сбыт товаров между различными отраслями производства. Постепенно склады опустошаются и в отдельных отраслях производства начинается слабое сначала повышение цен. Но тогда меняется также картина на денежном рынке. Во время паники наблюдалось очень быстрое возрастание размера процента и большой недостаток в денежном капитале; а после этой катастрофы получается совершенно другая картина. Вследствие продолжительного застоя в производстве освобождаются суммы, которые раньше тратились на заработную плату и приобретение материалов; и возобновление машин происходит в ограниченных размерах. Капитал, постепенно накопленный для этих целей в виде погашения, не может, следовательно, также служить своей настоящей цели; так же как и капитал, назначенный для заработной платы и сырого материала, он ищет применения на денежном рынке. Таким образом на рынке получается избыток денежного капитала и вследствие этого низкий размер процента.

В таком именно состоянии находится мировой рынок в данный момент. Лондонский денежный рынок плавает в капитале, и его готовность предоставить в наше распоряжение кредиты главным образом несомненно объясняется тем, что на родине он не может вложить свои деньги в промышленность. Но в тот момент, когда цены начинают возрастать и производство оживляется, и денежный рынок получает другой вид. Ка-

питал устремляется в отрасли производства, в кото-
рых снова закипела работа, и которые таким образом
расширяются; это возобновление усиленного производ-
ства в отдельных отраслях влечет за собой, как уже
объяснено было выше, расширение в других отраслях.
Возникает таким образом всеобщий спрос на капитал,
размер процента начинает повышаться. Мы видим, что
картина, которую представляет денежный рынок, не
дает нам возможности непосредственно сделать вывод
относительно состояния производства. Можно лишь
сказать, что низкий размер процента почти всегда
свидетельствует об ограничении производства; но вы-
сокий размер процента оказывается одинаково харак-
терным как для периода наибольшего кризиса, так и
для периода лучшей конъюнктуры.

Предыдущее изложение достаточно, надеюсь, вы-
яснило причины наступления кризисов и их проявле-
ние. Трудность заключается еще лишь в объяснении
их правильного наступления. Начиная с 1815 года до
начала мировой войны, кризисы повторялись прибли-
зительно каждые пять лет. С течением времени кар-
тина кризисов меняется. Прежние кризисы наступали
как естественные катастрофы, совершенно неожиданно,
и в течение немногих недель заканчивали свое опусто-
шительное движение по промышленному и торговому
миру; они исчезали с такой же быстротой, с какой
они приходили; а позднейшие кризисы (начиная с
семидесятых годов) напоминают коварные болезни,
которые медленно приближаются, действуют менее
разрушительно, но зато и дольше держатся. В то же
время наблюдается и другое явление. Первые кризисы
начинались с текстильной промышленности, а теперь
их исходным пунктом стала тяжелая индустрия. Это
свидетельствует о том, что изображенные выше техни-
ческие условия расширения производства играют оп-
ределяющую роль; и что объяснение правильного на-
ступления кризисов нужно искать в том, что нарушения
равновесия в отношениях производства, благодаря раз-
личному накоплению в отдельных отраслях промы-
шленности, лишь в эти периоды времени достигают

такой силы, что могут проявиться в виде кризисов. Особую роль играет здесь медленный темп накопления и прогресса техники в сельском хозяйстве, которое вследствие этого отстает от большинства отраслей промышленности; а также периодические затраты больших сумм капитала на сооружение железных дорог и подобные предприятия; они отвлекают от денежного рынка капиталы, которые во время расширения остальных отраслей производства были бы употреблены этими последними. Пока конъюнктура повышается умеренным темпом, отвлечение капитала не дает себя особенно чувствовать; но когда высокая конъюнктура достигла своего апогея, и каждый капиталист ищет денег для расширения производства, этот недостаток чрезвычайно обостряет всеобщую нужду в деньгах и помогает поднять размер процента до той катастрофической высоты, которая характерна для перехода от высокой конъюнктуры к кризису.

Но за этими внешними признаками мы никогда не должны забывать того, что настоящие причины кризиса нужно искать не в явлениях денежного рынка, а в самих производственных отношениях. Явления на денежном рынке свидетельствуют в этом случае лишь о том, что действительно произошло передвижение капитала, которое задерживает производство и обмен продуктов.

IX. Картели и тресты.

В предыдущей главе мы пришли к тому результату, что главные причины всех кризисов заключаются в том, что между различными отраслями промышленности нет необходимой согласованности; анархия (неорганизованность) капиталистического общества приводит к нарушению равновесия. Капиталистическое общество пыталось устранить, по крайней мере отчасти, эту неорганизованность производства, чтобы, таким образом, избежать кризисов. Средство, которым оно для этого пользовалось, состояло в образовании картелей (трестов, синдикатов, рингов) или подобных союзов.

В одной из предыдущих глав (V в.) мы видели, что картели являются средством искусственного повышения цен. Мы можем, однако, с тем же правом утверждать, что капитализм сознательно пользуется картелями, как средством для избежания кризисов; эта цель для основателей картелей так же важна, как влияние на цены.

Если мы представим себе картину кризисов, как мы это изобразили, то нам сразу станет ясно, что капиталисты могут одновременно преследовать обе эти цели. Картина, которую представляет каждый кризис, это перепроизводство, являющееся следствием неорганизованного производства. Действием этого перепроизводства является катастрофическое падение цен, которое сопровождается сильным понижением нормы прибыли. Когда хотят избежать кризиса путем организации про-

изводства, то это пытаются сделать при падении цен. Задача картелей состоит, следовательно, в ограничении производства ниже тех размеров, для которых можно было бы найти сбыт, во время высокой конъюнктуры, чтобы воспрепятствовать перепроизводству и вместе с тем быстрому падению цен, короче, следовательно, наступлению кризиса.

Исходя из этих положений, картели всегда проводили политику сохранения возможно более высоких цен путем искусственного ограничения предложения. Такую политику они могли проводить лишь тогда, когда они занимали монопольное положение на рынке, на который они доставляли товары. Для этой цели должна быть исключена местная и заграничная конкуренция. Местные соперники устранялись одним из тех ловких способов, которые дает капиталистическим предприятиям конкуренция. Обращались к самому грубому средству выбить из позиции конкурента путем понижения цен, чтобы потом по устранении неприятного конкурента тем выше взвинтить цены; банки, находящиеся в союзе с картелями, отказывали другим предприятиям в кредите; покупателям и поставщикам соперников грозили бойкотом — короче, картели пускают в ход все средства, чтобы получить неограниченное господство над рынком.

О борьбе картелей против заграничной конкуренции посредством охранительных пошлин и вооружений мы уже говорили; мы пришли к выводу, что шовинистическая колониальная и военная политика правительства, защищавшего интересы картелей, тяжелой индустрии и банков, создала роковое настроение, благодаря которому могла возникнуть мировая война. Но даже если мы оставим в стороне необыкновенную хозяйственную разруху, которая явилась следствием этой войны, мы должны сказать, что политика картелей не достигла и не могла достигнуть своей цели.

При ближайшем рассмотрении мы сразу уясним себе причину этого. Картели соединяют, как указано выше, промыслы, которые создают одни и те же про-

дукты. Так возникает, например, угольный картель, картель тяжелой индустрии, картель машиностроительных заводов, текстильных фабрик, сахарных заводов. Если картели и удается внутри той отрасли производства, над которой он господствует, регулировать размеры производства и вместе с тем цены, то этим, конечно, отнюдь, не устранена причина кризисов. Наоборот, именно вследствие этого регулирования могут возникнуть новые кризисы.

Когда, например, угольный синдикат искусственно ограничивает производство подчиненных ему копей, то этим вся экономическая жизнь страны лишена возможности расширяться. Если все же в какой-нибудь отрасли производства происходит такое расширение при созданной неподвижности в производстве угля, то это расширение может наступить лишь за счет обеспечения углем других отраслей производства. Этим вызываются передвижения в основах правильного производства, и кризис налицо.

Кризис вообще может быть устранен в таком обществе, которое вместо капиталистической анархии устанавливает производство, регулируемое общим планом. Но этот план должен касаться не только отдельной отрасли производства; он должен охватить все производство и принять во внимание отношения, существующие между отдельными отраслями производства – и в этом заключается величайшая трудность всякого социализирования.

Но этого не может сделать капиталистический картель по самому характеру своему. Он может управлять одной отраслью производства; в ней он может определять размеры производства; он может заставить отсталые промыслы ввести новые усовершенствования или может их приостановить; короче, он может, как это мы видим в американских трестах, соединить промыслы целой отрасли производства в одно гигантское предприятие, которое работает с новейшими средствами техники и минимальными издержками. Дальше этого капитализм не может пойти, и потому кризисы неразделно связаны с ним.

И особенно резко выраженная в Германии новейшая форма, которая связана с личностью Стиннеса и основана на соединении различных отраслей производства, также ничего не может в этом изменить. Мы видим, что в Германии возникает одновременно целый ряд таких концернов, как называют эти союзы. Каждое доменное производство стремится иметь собственные угольные копи и рудники, прокатные заводы и производства, занятые дальнейшей обработкой. Стиннес в находящемся в его власти „Рейн-Эльбском Унионе" объединил целый ряд крупнейших заводов германской тяжелой индустрии со вторыми по величине электрическим концерном Сименс-Шукерт и Сименс и Гальске; с этими последними объединено множество других предприятий, как верфи, машиностроительные заводы, целлюлозные и бумажные фабрики, типографии и, наконец, масса местных и заграничных газет. В самое последнее время Стиннес, который вначале торговал углем, и который и теперь еще в своих предприятиях отводит значительную роль торговле, захватил господство над германским крупным банком Берлинское Торговое Общество; таким образом в его концерне представлено не только промышленное производство, но и торговый и денежный капитал.

Но что и такого рода объединение не может избежать кризисов, видно уже из того, что образование одного концерна имеет своим последствием возникновение нескольких других. Если Стиннес ищет объединения с концерном Сименса, то Крупп объединяется со Всеобщей Компанией Электричества; и если Стиннес хочет проникнуть в судоходство и спускает на воду суда с замаичиво звучащими для патриота названиями „Тирпиц" и „Людендорф", то против него выступает линия Гамбург—Америка.

При этом нельзя забывать того, что все это происходит не только в узких национальных рамках. Нити концерна Стиннеса, который обратил на себя всеобщее внимание, и которым поэтому занялись очень многие писатели, переброшены через границы госу-

дарства не только к нам в Австрию, где он приобрел решающее влияние на Альпийское Горнозаводское Общество, но—что гораздо характернее для него—к такому же французскому союзу, который в свою очередь хочет охватить весь европейский материк. И то же самое, что здесь начинают французы, делают там англичане, бельгийцы и американцы. Стоит только остановиться на промышленности верхней Силезии, принадлежавшей до сих пор Германии и уступленной теперь Польше; далее, на бешеной конкуренции между всеми нациями с солидными капиталами, стремящимися занять здесь первое место,—чтобы понять, что эти формы капиталистических союзов отнюдь не могут устранить кризисов.

Все же эти создания новейшего капиталистического духа для нас, социалистов, отнюдь не безразличны; еще более ошибочно мнение, что для нас они лишены даже всякого значения. Теперь они не могут принести исцеления ран, которые наносит обществу капитализм; но они являются средством, которое ускоряет развитие капитализма к социализму. Вместе с ними идет прогресс техники. Если уже большинство картелей показало, что в них лежит тенденция модернизированья промышленности, то мы и здесь видим, что соединением следующих друг за другом процессов производства сберегается много сил.

Конечно, капитализм и здесь выполняет свое дело лишь на половину. Все же и это развитие уже представляет с точки зрения техники производства прогресс, который мы, социалисты, должны приветствовать; но мы и не должны закрывать глаза пред их опасностями в политическом и социальном отношении. Ибо в настоящее время этот союз дает в распоряжение капиталистических групп большую власть, хотя она и облегчает нам в будущем осуществление социализации, и мы получаем возможность создать из капиталистической половинчатости полный социализм.

X. Причины современного кризиса.

а) Война.

Мы видели в предыдущей главе, что картели, которые рассматривались капиталистами, как средство против кризисов, не в состоянии создать условия, необходимые для беспрепятственного развития производства. Они, наоборот, могут стать причиной новых кризисов, так как пошлины, связанные с их существованием, могут вызвать возникновение или сохранение нехозяйственно работающих производств; и таким образом общественно необходимое распределение капитала может быть значительно нарушено.

Но расстройство международных производственных отношений, вызванное картелями и охранительными пошлинами, ничтожно в сравнении с тем, что принесла с собой война. Экономические силы были в нормальное время слишком велики, для того, чтобы они могли чрезмерно пострадать от таких препятствий. Прежде всего эти меры в мирное время не могли нарушить безостановочного продолжения производства (его беспрерывности). Господствующий в природе закон инерции, который гласит, что тело, уже находящееся в движении, сохраняет это движение и тогда, когда непосредственное действие силы прекращается, действителен и в общественной жизни. Этим и объясняется тот факт, что существующие уже экономические отношения могут быть нарушены, но не совершенно уничтожены. Разделение труда на ми-

ровом рынке привело, например, к тому, что самые тонкие хлопчатобумажные пряжи производились на английских бумагопрядильных фабриках. Это продолжалось и тогда, когда старая английская монополия в текстильной промышленности давно была уничтожена, и целый ряд конкурирующих других государств выступил на мировом рынке. Эти последние при больших затратах новых капиталов могли бы доставлять несомненно те же качества, что и английские бумагопрядильные фабрики. Но в Англии промышленность имела все преимущества опыта, обученного рабочего класса и т. д., и таким образом эти английские специальные продукты попрежнему господствуют на мировом рынке.

Совершенно иначе должна была подействовать на отношения мирового хозяйства война. Чего не сделали охранительные пошлины и картели, то война совершила сразу. Она разорвала торговые сношения, существовавшие между большими государствами, и отрезала всю среднюю и восточную Европу от мирового рынка. Этим она уничтожила непрерывность; но этим она заставила также государства совершенно преобразовать свое хозяйство.

Рассмотрим сначала влияние войны на состояние мирового рынка. Мы здесь видим, что сразу исчезло международное распределение труда. Германия, например, доставляла почти для всего земного шара анилиновые краски. Война отрезала эту отрасль промышленности от ее естественных рынков. Вследствие этого государства, которые до тех пор являлись покупателями продуктов немецкой химической промышленности, стали устраивать собственные фабрики для производства продуктов, которые до сих пор получались из Германии. Таким образом в Англии, Америке, Франции выросла новая химическая промышленность, меж тем как германские красильные фабрики приостановились вследствие недостатка покупателей. Приведем другой пример; посмотрим, каким образом Англия получает сахар. До войны для удовлетворения потребности Англии в сахаре служила

главным образом свекловица Германии, Австрии и России. Война отрезала ее от этих стран. Поэтому для удовлетворения своих потребностей она обратилась к другим поставщикам. Но так как свекловичный сахар, помимо этих трех названных стран, производится в других частях земного шара лишь в небольших количествах, то эта перемена повлияла также на производство сахара; в то время как до войны производство свекловичного и тростникового сахара достигало почти одинаковых размеров, с этих пор производство тростникового сахара сильно возросло за счет свекловичного.

Мы видим, следовательно, что благодаря разрыву торговых сношений промышленность в одном месте сокращается, в другом искусственно развивается. Этим естественно совершенно изменяются количественные отношения и условия сбыта. Для германской химической промышленности, например, которой до войны принадлежала почти мировая монополия, возникли теперь опасные конкуренты, которые грозят создать для нее большие трудности.

Но гораздо значительнее те изменения, которые произвела война преобразованиями внутри государств. Мы можем здесь отметить две большие группы, внутри которых произошло приспособление к потребностям войны. Первую группу составляют государства Антанты, за исключением России, вторую группу составляют центральные государства. Общим для обеих групп является изменение всего производства соответственно потребностям войны. Различие между обеими группами состоит в размерах имеющихся в их распоряжении средств. В то время как Антанта на самом деле господствовала над всем мировым рынком и могла черпать из своих богатых источников, центральные государства должны были скоро обратиться к суррогатам и в конце-концов к замене этих последних еще худшими суррогатами. Но теоретически можно установить целый ряд однородных основных черт в обеих группах государств.

Важно прежде всего возрастание чисто военного производства, главным образом следовательно,

тяжелой индустрии и химической промышленности. Как же произошло это изменение? Если в мирное время происходило расширение какой-либо отрасли производства, то это могло получиться лишь тогда, когда существовал свободный капитал. Последнее имело место во время войны лишь в очень незначительной степени. Война не создала новых капиталов. Эта фраза звучит очень странно, в виду необыкновенного увеличения военных прибылей в отдельных производствах и расширения этих последних. Но если мы обсудим этот вопрос с точки зрения не только частного, но и народного хозяйства, то смысл этих слов нам сразу станет ясен.

Если общество хочет жить, если оно даже хочет расширить свое производство, то его продукты должны принять форму, пригодную для потребления. Оно должно производить, следовательно, жизненные средства, сырой материал, машины и т. д., которые служат для личного потребления людей или целям производства (так-называемого „производительного потребления"). Во время войны, наоборот, многие средства производства применялись при общественно бесполезных работах. Получали уголь, доставляли сталь и железо, производили машины, заставляли людей работать не ради полезной цели, а для производства орудий и пушек, патронов и гранат, военных аэропланов и подводных лодок.

С точки зрения общества эта работа была бессмысленна, предприниматели получали, правда, большие прибыли, и некоторые категории рабочих сравнительно высокую заработную плату, но они не производили, как это обычно бывает, средств производства и предметов потребления для содержания рабочих и продолжения производства; остальное общество должно было работать, чтобы это производство могло продолжаться, и чтобы содержать его рабочих, а также солдат на полях битвы. Сельское хозяйство доставляло этим отраслям промышленности жизненные средства; частные предприятия других отраслей производства доставляли различные материалы, не получая в обмен

за это, как в мирное время, действительных стоимостей. Плательщиком во всей военной промышленности являлось в конце-концов государство, которое не имело другой возможности получать деньги для этих платежей, кроме того, что оно черпало их из остального хозяйства. Механизм, с помощью которого государство делало это, является во всяком случае очень сложным, и потому настоящая связь не всегда достаточно ясна.

Яснее всего эта связь там, где государство создавало себе средства путем налогов, как в Англии. Здесь сразу видно, что деньги собраны со всего хозяйства. Повышение подоходного налога означало ограничение потребления предпринимателей и уменьшало возможность расширения их промышленности. Текстильная промышленность, например, была, вынуждена уступать часть прибыли государству. С этой прибылью капиталисты в мирное время украсили бы себе жизнь и расширили свое производство. Теперь государство присваивало себе деньги в виде налогов и отдавало их военной промышленности. Уровень жизни рабочего класса также понижен был косвенными налогами и т. д. От этого страдали не только рабочие, но и отрасли промышленности, которые до сих пор доставляли для них предметы потребления. Их дела шли вяло, прибыль уменьшилась.

Однако, большинство других государств избрало другой путь, чтобы получить средства для ведения войны. Они отказались от налогов и печатали бумажные деньги. При этом совершенно безразлично, делалось ли это непосредственно или путем военных займов, которые каждый мог превратить в бумажные деньги при посредстве ссудных касс или имперских банков. Усиленный выпуск бумажных денег действовал, как косвенный налог; по своим размерам это самая значительная и в то же время самая суровая форма этого налога. В результате, однако, государство и эти деньги, как и те, которые получены в виде налогов, использовало для расширения военной промышленности и для других военных целей.

С этими средствами государство являлось покупателем определенных продуктов. Естественным следствием этого было то, что цены этих продуктов начинали повышаться. Таким образом в этих отраслях промышленности повышалась прибыль, в то время как в других она оставалась неизменной или даже падала. Здесь наблюдалось то же действие, какое мы видели выше. Всякий, кто мог, старался извлечь свой капитал из этих невыгодных отраслей промышленности, и вложить их в военную промышленность. Это можно было сделать, не создавая нового капитала. Мы показали раньше, как путем разрыва торговых сношений были приостановлены целые отрасли промышленности. Германская текстильная промышленность не могла уж получать хлопка; английское мармеладное производство нуждалось в сахаре; все эти производства были остановлены или по крайней мере сокращены. Они переработали свой сырой материал и продали созданные таким образом продукты; так они получили средства, которых они уже не могли вложить в производство. Вместо того, чтобы снова покупать сырой материал, промышленники употребили освободившиеся деньги на то, чтобы снова приобресть акции военных производств или превратить свои собственные фабрики в военные.

В том же направлении действовал и другой фактор. В процессе производства примененные машины изнашивались. Капитал собирает в форме погашения их стоимости средства, чтобы купить себе новые машины. Так как во время войны производство многих отраслей промышленности останавливалось или сокращалось, то не было необходимости приобретать новые машины. Но даже когда промышленники хотели их приобресть, они этого часто не могли сделать, так как машиностроительные заводы предпочитали других клиентов из военной индустрии и приспособились к потребностям войны. Таким образом и деньги, которые иначе употреблены были бы на приобретение новых машин, освобождались для целей военной промышленности.

Расширение военной промышленности не связано, следовательно, с созданием новых капиталов; оно означает развитие одних отраслей за счет других. Вследствие ограничения производства в этих последних отраслях скоро произошло, однако, полное изменение цен. Эти предметы доставлялись в очень ограниченном количестве, меж тем как потребность населения, хотя и пониженная, все же существовала. Вследствие этого цены и этих продуктов стали возрастать, и повышение цен всех продуктов стало нормальным явлением [1]).

Эта тенденция возрастания цен естественно еще усиливалась печатаньем новых и новых банкнот. Государство создавало этими новыми бумагами, видимую постоянно, „возрастающую покупательную силу“, то-есть оно выступало, не взирая на экономическое положение, как постоянный покупатель. Но так как этот спрос все более и более повышал цены, то необходимо было выпускать все большее и большее количество денежных знаков. Последние опять-таки увеличивали спрос и таким образом снова повышали цены. Так получился заколдованный круг; каждое повышение цен имело своим последствием печатание новых бумажек, и каждое увеличение бумажек сопровождалось возрастанием цен.

Здесь, между прочим, можно заметить, как ошибочно суждение, что возрастание заработной платы во время войны является будто бы причиной дороговизны. Дороговизну мы очень хорошо можем объяснить, не привлекая сюда заработной платы; кто теперь бросит взгляд на прошлое и остановится на движении цен и заработной платы во время войны, тот должен будет признать, что возрастание цен началось гораздо раньше, чем повышение заработной платы.

Появление все новых и новых масс бумажных денег создавало видимость хорошей конъюнктуры и взвалило бремя ведения войны почти полностью на

---

[1]) Мы умышленно оставляем в стороне во всем анализе чисто военные влияния, как поступление многих рабочих на военную службу.

плечи низших слоев населения. Хуже всего было по-
ложение лиц, получавших постоянное жалованье; их
доход не повышался, и обесценением денег он, соб-
ственно говоря, был уничтожен. Но и заработная плата
находится под сильным действием закона инерции и
обладает большой неподвижностью. Она также лишь
отчасти могла приспособиться к дороговизне. Таким
образом война изменила распределение доходов в об-
ществе. Широкие слои прежнего среднего сословия
стали пролетариями; уровень жизни рабочего класса
понизился; с другой стороны, доход и богатства всех
тех, которые заняты были военными поставками, увели-
чился за счет остального населения. И это увеличение
богатства представляет, следовательно, лишь одну ви-
димость; оно так же не обусловлено созданием новой
стоимости, как и расширение военной промышленности.
Новые богачи, как их вежливо называют во Франции,
спекулянты, как говорят несколько грубее по-немецки,
это настоящие вампиры, которые сосут кровь осталь-
ных слоев населения.

Когда военные издержки покрываются налогами,
получается то преимущество, что население не вводится
в заблуждение видимостью вновь созданного богатства,
а чувствует бедствия войны во всей их силе. Не слу-
чайно германская промышленность, которой перепадали
большие военные прибыли, гораздо энергичнее настаи-
вала на своем победоносном мире, чем английская, при-
были которой в значительной степени получало госу-
дарство в виде налогов.

Мы можем, следовательно, резюмировать все это та-
ким образом: вследствие прекращения торговых сноше-
ний целый ряд государств вынужден был *создать*
себе новые отрасли промышленности, кото-
рых у них не было в мирное время, и которые без
нужды не возникли бы. Внутри государств, или, ска-
жем лучше, групп государств, произошло *сильное*
передвижение капитала из производств
мирного времени в военную промышлен-
ность, главным образом, следовательно, *в тяжелую*
индустрию. Этот процесс должен был естественно

сильно нарушить отношения равновесия в производстве. К тому же, благодаря способу финансирования войны, в большинстве государств произошло изменение в распределении доходов, которое естественно влияло на потребление и создало целый ряд производств предметов роскоши во время самой отчаянной нужды. Еще более все это осложнилось расстройством и путаницей в денежных и валютных отношениях, что еще более должно было затруднить возобновление международных сношений.

Этот процесс продолжался довольно долго, ибо как выяснилось лишь во время войны, накопленные обществом сокровища и богатства были необычайно велики, так что воюющие государства могли существовать ими в течение долгого времени; жизнеспособность хозяйства была гораздо больше, чем предполагали до сих пор. Все же крушения нельзя было устранить; его можно было лишь отодвинуть. Когда в ноябре 1918 года в Германии и Австрии вспыхнула революция, то это явилось следствием не только военного упадка; в значительно большей степени это было результатом полного экономического развала.

Теперь необходимо было восстановить мировое хозяйство. В следующей главе мы увидим, каким путем это старались сделать, и каким законам и влияниям подчинено было и теперь еще подчиняется этот процесс.

в) Дальнейшее развитие со времени окончания войны.

К концу войны хозяйство в воюющих странах страшно обеднело. Все склады были опустошены, машины изношены, здания повреждены, транспорт расстроен, и рабочие, измученные голодом и бедствиями войны, потеряли работоспособность. К этому времени экономической разрухи относится еще социальное брожение, которое имело политические и экономические основания, и обсуждение которого не входит в рамки

этой работы. С точки зрения только техники производства оно служило, конечно, препятствием для восстановления хозяйства, и не подлежит сомнению, что капитализм восстановил бы хозяйство быстрее, если бы ему не мешали требования рабочего класса. Конечно, легко себе представить, как бы происходило это восстановление хозяйства; во всяком случае за все должны были бы расплачиваться рабочие.

Теперь возникает вопрос, каким образом удалось снова привести в движение и повысить производство, и как после первоначального подъема мы пришли к наблюдающемуся теперь положению.

Вначале полагали, что обнищание после войны будет длиться чрезвычайно долго потому, что возобновление производственного аппарата, то-есть прежде всего машин, должно представлять большие трудности. Однако, эти трудности далеко не были так велики, как предполагали. Правда, обнаружилось, что почти во всех государствах, именно в воюющих, машины на фабриках сильно пострадали от употребления и от непосредственных военных повреждений. Но тяжелая индустрия, которая искусственно развивалась во время войны, в состоянии была довольно быстро исправить это. Если мы рассмотрим процесс развития после окончания войны, то увидим, что высокая конъюнктура в военной промышленности отнюдь не прекращается с заключением мира. Прекращение военных заказов вызвало, правда, тотчас же кризис; но потребность в восстановлении хозяйства очень скоро одержала верх над задерживающими моментами, и рост тяжелой индустрии поразительно быстро снова наступил во всех странах. Производство стали возросло; машиностроительные заводы и корабельные верфи имели такую конъюнктуру, какую они едва ли знали во время войны, все отрасли производства, которые связаны с тяжелой индустрией, также процветали.

Несколько другую картину мы видим в тех отраслях промышленности, которые доставляют предметы потребления. При налаживании международных торговых сношений здесь выяснилось, как

сильно изменились отношения на мировом рынке во время войны. Так, например, исчезновение русского и румынского хлеба было компенсировано тем, что расширены были запашки в Северной и Южной Америке; недостаток, который чувствовался вследствие отсутствия германской и австрийской текстильной промышленности на мировом рынке, был пополнен, по крайней мере отчасти, развитием японской и американской промышленности; во всяком случае раны, нанесенные мировой войной этой части мирового рынка, были не так глубоки, как в области средств производства; запасов, которые имелись к концу войны, было достаточно для того, чтобы покрыть самый чувствительный недостаток в воюющих государствах, именно в средней и восточной Европе.

Это различие между двумя большими группами производства очень скоро также проявилось при восстановлении хозяйства. Высокая конъюнктура, которой достигла тяжелая индустрия во время войны, испытала лишь кратковременный перерыв, чтобы потом подняться еще выше, чем в военное время. Сельское хозяйство и отрасли промышленности, доставляющие предметы потребления, не обнаруживали такого сильного подъема. Но в тяжелой индустрии падение настало так же быстро, как и подъем. Благодаря значительному расширению производства во время войны, она могла в сравнительно короткое время залечить в значительной степени те раны, которые война нанесла производственному аппарату; во всяком случае это имело место в важнейших для мирового рынка странах—в Англии, Соединенных Штатах, Японии. После того как это совершилось, естественно остановились заказы в отраслях промышленности, создающих средства производства. Таким образом в этих отраслях настал кризис.

Мы видели в предыдущих главах, что кризис, который касается одной части всей хозяйственной жизни, должен захватить и остальные отрасли производства. Так обстояло дело и здесь. Кризис тяжелой индустрии означал, например, тяжелое расстройство всего тран-

спорта; большая часть торгового флота, который поддерживал международные сношения, остановилась, и тысячи моряков и рабочих, занятых на верфях, потеряли свои места.

Безработица, которая распространялась все шире и шире, привела к тому, что потребление рабочих было сильно сокращено. В Соединенных Штатах максимальное число безработных составляло в 1921 г. около шести миллионов, в Англии—больше двух миллионов; даже такая маленькая страна, как Швейцария, насчитывала одно время 150.000 совершенно или почти безработных. Многие из этих безработных, именно миллионы в Соединенных Штатах, вообще не получали пособий во время безработицы; там, где такие пособия выдавались, они были так незначительны, что безработные могли лишь влачить жалкое существование.

С другой стороны, кризис вызвал также сильное падение прибыли предпринимателей. Не говоря о бесчисленных банкротствах, в которые, например, вовлечены были в Италии оба величайших в стране концерна тяжелой промышленности, и производства, продолжавшие работу, должны были примириться с значительными сокращениями прибыли. Это означает, кроме невозможности расширить производство также ограничение потребления класса капиталистов, которые должны были отказаться если не от удовлетворения необходимых потребностей, то все же от излишней роскоши.

Эти отношения должны были естественно повлиять на те производства, которые доставляют предметы потребления. И их сбыт сократился; кризис стал захватывать и эти отрасли производства. Во всех областях мы видим таким образом, полную остановку сбыта, которая привела к прекращению производства во многих местах и к баснословному падению цен. Это движение цен поддерживалось еще политикой сильных в финансовом отношении государств: чтобы положить конец печатанью лишних бумажных денег, правительство значительно повысило налоги и другие государственные доходы. Эта финансовая политика очень энер

гично проводилась и проводится особенно в Англии. Не подлежит сомнению, что падение цен, вызванное сокращением находящихся в обращении бумажек, не могло не повлиять на кризис. Во всяком случае вызванная кризисом тенденция к понижению цен усилилась еще благодаря этой политике, и по крайней мере в данное время она оказала неблагоприятное действие на экономическую жизнь.

Отсюда, однако, не следует, что эта финансовая политика представляет нечто нездоровое или вредное. Мы, наоборот, можем наблюдать, что именно рабочий класс больше всего страдает от вызванной обесценением денег дороговизны, которая действует, как самый тяжелый и самый несправедливый косвенный налог. Во всяком случае нужно признать, что и в странах-победительницах уровень жизни рабочего класса сильно страдает от последствий войны. Падающие цены послужили для предпринимателей поводом для того, чтобы начать с понижения заработной платы, и их сильнейшим оружием в этой борьбе была безработица. Давление армии безработных на рабочем рынке было так сильно, что и рабочий класс, занятый в производстве, начал его чувствовать и должен был тогда, а также теперь еще согласиться на понижение заработной платы в самых широких размерах. Крупные забастовки, которые устраивались в этой оборонительной борьбе, большей частью кончались неудачно, несмотря на героическое напряжение профессиональных союзов.

Но кризис на мировом рынке обострился еще из-за репараций, бремя которых Антанта взвалила на плечи Германии. Ошибочно было бы полагать, что мировой кризис не настал бы без рапараций; но не подлежит никакому сомнению, что военная контрибуция чрезвычайно обострила и прежде всего удлинила кризис.

Рассмотрим подробно действия германских платежей! Репарации могут быть уплачены Германией главным образом благодаря вывозу товаров. Переход германской собственности, имеющейся заграницей, к чу-

жим правительствам для покрытия обязательств стал почти невозможным, так как во время войны она была конфискована в воюющих странах и Версальским мирным договором признана недействительной. Техника при уплате военной контрибуции состоит в том, что валюта, полученная германскими экспортными фирмами, покупалась имперским банком, который предоставлял их в распоряжение правительства. Этот метод невыгоден для Антанты в двух отношениях.

Так как германское правительство не может при помощи налогов собрать достаточно средств, для того, чтобы скупить в имперском банке валюту, то оно вынуждено постоянно дисконтировать свои векселя в имперском банке; полученные таким образом деньги состоят, конечно, из бумажных денег; и германское правительство вынуждено постоянно увеличивать количество находящихся в обращении бумажек. Это приводит к тому, что стоимость денег внутри страны постоянно падает. Но, несмотря на возрастание цен, которое тоже постоянно происходит в Германии, цены произведенных здесь товаров и заработная плата отстают от цен на мировом рынке. Германская промышленность работает поэтому с меньшими издержками производства, чем заграничная конкуренция, и последняя находится под постоянно растущей угрозой в области своего сбыта на мировом рынке.

Так как экспортная валюта переходит к государству, то Германия на эти суммы уж ничего не может покупать на мировом рынке. Таким образом страдает еще ввоз в Германию из стран Антанты, не говоря о том, что падение германского рынка вообще имеет тенденцию ограничить покупательную силу Германии. Промышленность других государств поэтому страдает от репараций вдвойне; во-первых, грозит опасность ее сбыту, во-вторых, она теряет возможность сбыта товаров в Германии.

В существенном то же действие имели, до кредитных операций правительства Зейпеля, пассивный платежный баланс и дефицит в государственном бюджете

немецкой Австрии. И здесь имеем перевес платежей заграницу (за покупаемые товары, в виде процентов, дивидендов и т. д.) над выручкой (от вывоза товаров, продажи старых ценных бумаг, и т. д.); далее, огромные платежи чиновникам; убыточность государственного производства и другие расходы государства, которым не противостоят достаточно большие доходы, состоящие из налогов и т. д. Все это вызывало постоянное увеличение количества находящихся в обращении знаков и непрерывное обесценение денег. Результат получился, хотя и в меньших размерах, подобный тому, какой мы видели в Германии: относительно хорошее состояние промышленности, но постоянное возрастание цен и заработной платы внутри страны.

При этом рабочий класс в странах, где происходит обесценение денег, не получает никаких выгод от высокой конъюнктуры в индустрии. Правда, он не знает безработицы, которая так тяжело угнетает его товарищей в победоносных странах; но его уровень жизни находится под угрозой постоянно растущей дороговизны, и требуются величайшие напряжения, чтобы привести возрастание заработной платы в согласие с повышением цен. К тому же эта повидимому высокая конъюнктура основана лишь на валютных отношениях и при малейшем изменении этих вечно колеблющихся отношений может тотчас же превратиться в свою противоположность. Так, однажды в 1922 году, когда германская марка падала быстрее австрийской кроны, наблюдалось странное явление: в немецкой Австрии, в стране величайшего обесценения денег, при растущих ценах безработица достигла угрожающих размеров.

Ясно, что восстановление хозяйственного равновесия на земном шаре и устранение кризиса при таких условиях чрезвычайно трудно и происходит очень медленно. Несмотря на это, было бы ошибочно полагать, что только германские репарации вызвали кризис, и что без их устранения уничтожение кризиса совершенно невозможно. Как бы велики ни были их действия, и как бы ошибочна ни была всякая не-

дооценка их влияния на состояние мирового хозяйства,—все же не следует впадать и в другую ошибку—нельзя приписывать им уж слишком большого действия и считать их единственной причиной всех бедствий.

Конечно, средства, к которым обратилось большинство правительств в борьбе с конкуренцией стран со слабой валютой, совершенно не выдерживают критики и служат лишь для того, чтобы еще более затруднить налаживание нормальных отношений и правильной торговли. Почти все государства с сильной валютой ищут облегчения в ввозных пошлинах или даже запрещении ввоза, чем они надеются воспрепятствовать ввозу из стран, в которых происходит обесценение денег. Этой цели они во многих случаях действительно достигли, но себе самим они едва ли помогли этим. В мировом хозяйстве все так тесно сплетено, что сокращение ввоза какой-либо страны большей частью имеет своим последствием также ограничение ее вывоза. Мы видим, что политика пошлин и запрещений не устранила кризиса ни в одной стране. Чехословакия и Италия, которые широко пользуются этими средствами, отнюдь не страдают меньше, чем Англия с ее свободной торговлей, принципы которой, хотя и с некоторыми ограничениями, в сущности проводятся еще и теперь.

Капиталисты государств Антанты располагают, наоборот, гораздо более действительным средством борьбы с германской конкуренцией. Мы видели, что Германия может легче конкурировать на мировом рынке благодаря более дешевым издержкам производства, что является следствием постоянного обесценения денег. Таким образом индустрия стран-победительниц вынуждена стремиться к удешевлению средств производства. Это совершается везде в широких размерах путем введения новых способов производства и улучшений в организации промышленности. Устройство картелей, концернов отнюдь не ограничивается Германией; это скорее международное явление, его триумфальное шествие мы видим даже в Америке, где, казалось, уже давно достигли кульминационного

пункта в устройстве трестов. Лишь недавно некоторые из немногих независимых железоделательных и сталелитейных заводов соединились в картель против всесильного, повидимому, стального треста (Steel Corporation).

Но самым сильным или характерным средством международного капитализма является понижение заработной платы. Кто с открытыми глазами следил за процессом в течение последних двух лет, тот мог заметить, что эта тенденция выступает все резче и яснее. Но в то время как падение цен, которое вначале служило поводом к понижениям заработной платы, все больше и больше замедляется, и в некоторых областях даже превратилось в свою противоположность, сокращения заработной платы проделываются непрерывно и в постоянно возрастающих размерах. Широкие круги английского пролетариата, как, например, углекопы, должны были не только отказаться от всех экономических завоеваний революции, но даже спустились ниже уровня мирного времени.

Успеха этой экономической политики капитализма нельзя и отрицать. Число безработных в Англии уменьшается, американское производство стали, которое служит барометром экономической жизни этой страны, повышается с каждым месяцем; все чаще и чаще получаются известия, что чужим—английским, бельгийским или французским—фирмам удалось взять заказы по ценам более низким, чем предлагали немецкие заводы. Это непосредственное следствие сокращений заработной платы в странах Антанты; таким образом действие политики репараций выражается собственно в понижении уровня жизни этих стран. Военные контрибуции являются кнутом, причиной голода не только для германских, но и для английских рабочих.

Спрос мирового рынка и соответственно этому мировое производство необычайно велико, и германские товары могут его обеспечить, конечно, лишь частью; поэтому чужой промышленности обеспечен широкий сбыт, когда вследствие продолжительности кризиса

опять чувствуется недостаток товаров. Таким образом даже при сохранении бремени германских репараций теоретически существует возможность одолеть мировой кризис и снова привести в движение промышленность стран-победительниц. Во всяком случае при этом обнаружатся тяжелые затруднения и препятствия; но останется, главным образом, действие сокращений заработной платы, на которые вынужден согласиться рабочий класс стран Антанты. Ибо если германская промышленность и не может чисто количественно обеспечить в достаточной мере мировой рынок, то она будет всегда производить дешевле других, пока она находится под гнетом репараций, и потому будет проявлять тенденцию к понижению цен. Но это последнее должно оказывать дальнейшее влияние на заработную плату в странах-победительницах.

В разумном разрешении вопроса о реперациях заинтересованы, следовательно, прежде всего рабочие всех стран. Не подлежит сомнению, что и широкие круги класса предпринимателей в государствах, которые раньше считались враждебными, по вполне понятным материальным соображениям, выступают за устранение или, по крайней мере, уменьшение военных контрибуций, так как этим несомненно будет облегчено и ускорено восстановление хозяйства. Но и при сохранении репараций восстановление хозяйства отнюдь не невозможно; однако, тогда оно произошло бы, как уже указано было, почти всецело за счет рабочего класса. Единственным фактором, который постоянно будет энергично бороться с репарациями, является, таким образом, рабочий класс.

Вопрос о военных контрибуциях есть теперь прежде всего вопрос об интернациональном выступлении рабочего класса. Интернациональным является бедствие, которое обрушилось на рабочих; интернациональным должно быть также и разрешение этого вопроса. Не случайно английский рабочий класс, мышление которого вообще оказалось очень консервативным и отнюдь не чрезмерно интернациональным, в массе понял значение проблемы

и считает теперь своей задачей интернациональное совместное выступление. Для нас это должно служить ясным указанием. Мы можем надеяться восстановить свое хозяйство и таким образом повысить наш жизненный уровень, если мы с помощью рабочего класса стран Антанты, прежде всего Англии, произведем коренное изменение политических отношений. Теперь уже внешняя политика английского правительства находится под сильнейшим влиянием английской рабочей партии. Мы очень заинтересованы в том, чтобы это давление не уменьшилось, а чтобы воля английских рабочих все более и более крепла благодаря пониманию действительного положения вещей. Борьба из-за репараций становится таким образом важнейшей частью всей международной классовой борьбы против капитализма. Интернационализм основан теперь не только на общем стремлении к красивым идеалам; его необходимость диктуется неумолимыми явлениями политической и экономической жизни. Важнее чем когда бы то ни было вспомнить теперь боевой призыв Коммунистического Манифеста: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие проф. В. В. Святловского	3
I. Значение теории	13
II. Теория стоимости	17
III. Прибавочная стоимость	28
IV. Прибавочная стоимость и прибыль	38
V. Изменения нормы прибыли и их причины	
a) Тенденция к понижению нормы прибыли	47
b) Устранение конкуренции	52
c) Возрастание эксплоатации	43
d) Внешняя торговля	61
VI. Значение теории прибавочной стоимости для классовой борьбы	68
VII. Общественное производство	72
VIII. Кризисы	83
IX. Картели и тресты	94
X. Причины современного кризиса.	
a) Война	99
b) Дальнейшее развитие со времени окончания войны	107

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 г.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.

Баллод, Карл. (Атлантикус), Банкротство свободного хозяйства. Современное экономическое и финансовое положение Германии. Перевод С. И. Цедербаум.

Витгерс, Г. Денежный рынок. Перевод Р. Орбинского. С вступительной статьей „Мировая валютная катастрофа“ Г. Наумова. Стр. 212. Ц. 1 р. 10 к.

Вульф, Л. С. Экономический империализм в Азии и Африке. Перевод с немецкого С. Вольского. С вступительной статьей Г. Наумова „От империализма к сверхимпериализму“. Стр. 97. Ц. 65 к.

Гармс, Бернгард, проф., директор института мирового хозяйства в Киле. Кризис мирового хозяйства. Доклад, читанный на съезде по мировому хозяйству во время Океанской недели в Гамбурге. Перевод под редакцией и с предисловием Г. Наумова. Стр. 99. Ц. 40 к.

Кабо, Р. и Рубин, Н. Народное хозяйство в очерках и картинах. Сборник отрывков и извлечений. Т. I. Ремесло и кустарничество.—Крупное производство.—Торговля.—Деньги.—Кредит.—Теория капиталистического хозяйства. Издание 2-е переработанное и дополненное.

Каутский, Бенедикт. Экономические проблемы современности. Перевод С. Салитан с предисловием проф. В. В. Святловского.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 г.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.

Леви, Герман, проф. Основы экономического могущества Соединенных Штатов Америки. Стр. 144. Ц. 1 р. 10 к.

Его-же. Английское народное хозяйство. Перевод с немецкого с предисловием проф. В. В. Святловского. Стр. 248. Ц. 2 р.

Лирау, Вальтер. Новая Турция. Ее экономическое состояние и виды на будущее. Перевод с немецкого В. Н. Розанова. Стр. 87. Ц. 50 к.

Лифман, проф. Формы предприятий. Перевод И. И. Рубина.

Маслов, Петр. Проблема продукции. (Еще о социальной проблеме). Стр. 208. Ц. 1 р. 35 к.

Решке, Вильгельм. Международная торговая политика после войны.

Суханов, Н. Н. Очерки по экономии сельского хозяйства. Стр. 267. Ц. 2 р.

Его-же. Мировое хозяйство накануне и после войны. 1913—1923. Популярный очерк. Стр. 108. Ц. 70 к.

Туган-Барановский, М. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов, с 18 диаграммами в тексте. Стр. 384. Ц. 2 р. 25 к.

Унгерн-Штернберг, д-р. Экономическое состояние Франции. Стр. 83. Ц. 30 к.

Фогель, Вальтер, проф. Новая Европа и ее историко-географические обоснования. Перевод под редакцией проф. Германа Генкеля. Т. I. Стр. 256. Ц. 1 р. 80 к. Т. II. Стр. 261. Ц. 1 р. 80 к.

Цена 70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Ленинград, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34 и 170-94.
Москва, Тверская, 38, телефон 264-61 и 377-23.